

Наталья
Солнцева

Золотой гребень для русалки

Наталья Солнцева
Золотой гребень для русалки
Серия «Мистический детектив (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21607516

Золотой гребень для русалки: Издательство АСТ; М.; 2016

ISBN 978-5-17-099766-4

Аннотация

В ночном клубе во время выступления группы «Русалки» случилось невероятное – сбежала солистка! Питавший к ней страсть бизнесмен Вишняков проник в гримерку, и после неудачного свидания девушка исчезла. С тех пор Вишнякова стали преследовать кошмарные видения... Чтобы разобраться в случившемся, он обращается за помощью к детективу-медиуму Астре Ельцовой. К тому же для расследования подвернулся удобный случай – друг Вишнякова, Илья Борецкий, любитель славянских традиций, пригласил в свое загородное поместье друзей и группу «Русалки». Он решил встретить Новый год в духе «зимних русалий» – языческого ритуала поклонения Огнебогу. Но никто даже не догадывается, как опасно обращаться к славянскому богу огня, если для тебя обряды – это всего лишь игра. Гости еще не знают, что не всем суждено пережить эту новогоднюю ночь... Новая редакция романа «Золотой идол Огнебога».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	81
Глава 8	98
Глава 9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Наталья Солнцева

Золотой гребень для русалки

© Солнцева Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен...»*
(А. С. Пушкин)

Глава 1

Москва. Три года тому назад

- Кто ты? – спрашивала она.
 - Скажу тебе правду, – не поверишь, – отшучивался он.
 - Поверю!
 - А вот и нет. Я умею заглядывать в будущее, поэтому не спорь.
- Они познакомились у Ярославского вокзала.

Мальчишка лет семи, прикинувшись голодным и брошенным, вызвал у нее жалость, а потом украл сумочку. Вырвал из рук и побежал. От растерянности она даже не закричала, не кинулась догонять. Она поделилась с ним домашними бутербродами – он жевал, выжидая момент, чтобы выхватить сумку. И дождался.

Она плакала от обиды и безысходности. Куда теперь идти – без денег, без блокнота, где записаны нужные телефоны? Хорошо, что паспорт она положила во внутренний карман куртки, как мама советовала.

– Ты чего плачешь? – по-свойски обратился к ней парень в джинсах и ветровке. – Заблудилась? Большой город все равно что лес.

– У меня... сумочку украли...

– Вместе с кошельком?

– Угу.

– А родственников и знакомых у тебя в столице нет. И податься некуда. Угадал?

Она кивнула.

– Я даже домой позвонить не могу. Мобильника нет, а телефонную карточку купить не на что.

Парень смотрел на нее сверху вниз. Она не была низенькой, это он был великаном: рослый, плечистый, голубоглазый. Не будь она так расстроена, влюбилась бы.

– Ладно, хватит хлюпать. Слезами горю не поможешь.

– Может, в полицию обратиться? – все-таки всхлипнула

она.

– А ночевать где будешь? В отделении?

Встретила ее Москва, словно мачеха, – по-иному не скажешь. Людей много, а чувствуешь себя одиначенькой.

– Первый же пацаненок, к которому я со всей душой отнеслась, оказался вором.

– Ничего, привыкнешь, – серьезно сказал парень. – Тебя как звать-то?

– Дина...

– Врешь, – усмехнулся он. – Ну, видно тебе так надо.

Она взвилась:

– Думаешь, родители меня Мотрей назвали, да? Или Фросей? Раз приезжая, значит, обязательно Фрося! Злые вы, москвичи!

– Я тоже не здешний. Не кипятись...

Почему она не назвала ему своего настоящего имени? Первый опыт общения с обитателями столицы сделал ее осторожной, во второй раз ее будет трудно обвести вокруг пальца.

– Я не вор! – прочитал он ее мысли. – Можешь меня не бояться.

– Я и не боюсь...

– В самом деле? Тогда поехали ко мне.

Она подумала, что он сутенер, который подбирает на вокзалах несчастных девчонок и делает их проститутками.

– Куда это? В притон?

– Ты не за того меня принимаешь. Я студент, снимаю комнату. Правда, район спальный – Южное Бутово. Там много квартир сдается. Недорого.

Ей было все равно, она не знала Москвы – даже не поняла, что означают слова «спальный район».

– В квартире живут еще молодые муж и жена, но они уехали в отпуск, – добавил он. – Видишь, я тебя не обманываю. Хотя мог бы.

– Значит, мы будем там... вдвоем?

– Получается, да. Ты ляжешь на диване, я на полу перекантуюсь. Утром что-нибудь придумаем. Решайся!

Был ли у нее выбор? В тот момент она думала, что нет. На самом деле выбор есть всегда. Она могла все-таки пойти в отделение полиции, и тогда ничего бы не случилось. Но все произошло так, как предсказали звезды. С ними не поспоришь.

Парень привел ее в обычную съемную московскую квартиру – запущенную, но чисто убранную, насколько это возможно, с кое-какой мебелью.

– Давай, располагайся. Есть горячая вода, – радостно сообщил он. – Мыться будешь? Полотенце я дам.

Она приехала в Москву встретиться и переговорить с одним человеком. Он обещал помочь с работой, ссудить деньгами на первых порах, подыскать жилье.

– Ты что же, совсем без вещей? – спросил парень.

У нее напрочь вылетело из головы! Чемодан...

– У меня чемодан в камере хранения.

– Уже лучше. Завтра поедешь, заберешь. – Он протянул ей большое синее полотенце. – Иди в душ. А я займусь ужином.

Она стояла под теплыми струями, шепча: «Вот она, новая жизнь...»

– О-о! А ты красивая! – воскликнул парень, когда она появилась на кухне. – Садись сюда, поближе к батарее. Осенью у нас холодно, плохо топят. Водки налить?

Она кивнула.

За едой он пытался развеселить ее. Рассказывал странные вещи – про древние времена, когда не знали русичи единого бога, но поклонялись Перуну, Роду, Яриле, Сварогу и Ладе. Про русалок и леших, про языческие капища и поклонение священному крылатому псу Семарглу, божеству огня, Луны, дома и очага.

– Ударил Сварог молотом по бел-горюч камню, высек искру. Из той искры родился Огнебог и все небесные Ратичи – воины Сварожьи. Повелитель ветров Стрибог начал раздувать первозданное пламя. Тогда Великий Черный Змей подполз к заветному камню и тоже ударил по нему молотом. От его удара рассыпались по миру *черные искры*. То было рождением всех темных сил, демонов. С тех пор Семаргл оберегает белый свет от зла, день и ночь стоит он на страже с огненным мечом. И только раз в году покидает свой пост, слыша голос Купальницы, зовущей его на любовные игры...

– Откуда ты все это знаешь? – спрашивала она. – Имя у тебя какое-то несовременное: Велидар. Может, ты и вправду пришелец... из прошлого? Шел, шел, и заблудился. Попал вроде бы к своим, а вокруг все чужое, незнакомое.

– Может, и так, – смеялся он. – Родители мои увлекаются славянской мифологией, культурой дохристианского периода. Мама статьи пишет, отец помешан на ювелирных изделиях XII–XIII веков, где преобладает языческая тематика. Он готовит иллюстрации к своей работе «Игрища древних славян». Там таки-и-е ритуальные *браслеты-наручи* из серебра, закачаешься! Оказывается, княгини и боярыни имели по два разных набора украшений. Золотой – для торжественного официального выхода, для пира или посещения собора. Серебряный, с языческими закликательными элементами, – для ритуальных плясок. Думаю, дамы из высшего придворного круга исполняли во время зимних и летних *русалий* главный ритуальный танец. Тайком от духовенства, которое осуждало «бесовские плясания».

– Покажешь браслеты?

– Рад бы, да родители живут далеко от Москвы. Они сейчас под Рязанью, какой-то клад откапывают.

– Как интересно! Ты тоже кладами увлекаешься?

– В некотором роде.

– А что такое – *русалии*?

– Магический обряд.

Он помрачнел, замолчал. Ей захотелось расшевелить его,

растормошить, вызвать на откровенность.

– Ты зачем меня сюда привел? Понравилась, да?

– Я знал, что сегодня тебя встречу. Ты мне нужна... – Он вдруг весь напрягся, насторожился. – Слышишь?

– Что я должна слышать?

Тикали часы, за стеной бранились соседи, где-то выше этажом приглушенно звучала музыка.

– В мир входит зло...

«Он ненормальный, – испугалась она. – Маньяк, как пить дать. Сейчас бросится на меня... Мамочка! Что же я наде-
лала!»

– Повторится то, что уже было... – бормотал он, закрыв глаза. – Ничего нельзя ни предотвратить, ни изменить... Потому что Великие Боги гnevаются на нас. Семаргл больше не стоит на страже. Светозарный, он больше не является в огненном вихре, сжигая всю скверну. На своем коне с гривой из золота и шерстью из серебра он скачет по иным просторам... Дым – его знамя! Там, где он проезжает, за ним тянется черный выжженный след...

У нее сердце ушло в пятки, а волосы на голове зашевелились. Она позволила этому маньяку привести ее в квартиру, запереть дверь...

– Ты будешь спать там, в другой комнате! – заявил он. – К счастью, соседи оставили мне ключи. Сиди тихо, как мышка, что бы ни происходило. Поняла?

– П-поняла...

Он налил ей полстакана водки.

– Выпей!

Она замотала головой.

– Я... уже и так...

– Пей!

Она поспешно проглотила спиртное, закашлялась. Мамьякам нельзя перечить, это приводит их в бешенство...

* * *

Москва. Наше время

Лето и осень прошли для Астры в раздумьях. Она переехала на Ботаническую улицу, в квартиру, оставшуюся ей от бабушки. Как ни уговаривали родители поселиться у них – в очередной раз, – Астра отказалась.

– Для кого я такую домину выстроил? – сокрушался отец. – Нам с матерью одного первого этажа хватило бы. Из-за этаких площадей целый штат прислуги нанимаем. А единственная дочь ютится в двух комнатах. Скажи ей, Лёля! – взывал он к жене.

Та только вздыхала. Непослушная девочка Астра выросла в непокорную женщину. Все по-своему делает, никаких советов не признает. У нее какая-то другая жизнь, непонятная,

непостижимая для Ельцовых-старших.

– На девочку личная драма повлияла, – неуверенно объясняла поведение дочери Лилиана Сергеевна. – Перед свадьбой узнала, что жених ей изменяет, а потом он и вовсе погиб. Теперь она не может решиться на семейные узы. С Матвеем у нее, кажется, тоже не ладится.

Юрий Тимофеевич сердито сопел. Для кого он капитал зарабатывает не покладая рук? Компанию развивает? Астра, что ли, будет продолжать страховой бизнес? Он на внуков надеялся, мечтал мальчишек растить, непременно двух, – чтобы один другого сильнее был и умнее. А дочь и не думает замуж выходить и тем более рожать.

– Ты пойми, Лёля, ей уже тридцать стукнуло, – не выдерживал он. – Еще лет пять, и придется это... как его... в пробирке детишек выращивать!

Жена хмурилась, поджимала губы.

– Не преувеличивай. Некоторые и в сорок рожают. Вон Нинка...

– Хватит меня баснями кормить! – взрывался Ельцов.

Потом, конечно, успокаивался. У каждого – своя судьба. Он дочери не указ. Пусть живет, как хочет. В кого она такая? Ни в отца, ни в мать... Что она любит? Во что верит? На что надеется? Черт ее разберет.

Отношения Астры с Матвеем Карелиным складывались сложно. С одной стороны, они начались драматично, имея все предпосылки перерасти в глубокое чувство, с другой – в

них изначально была ложь, и эта ложь удерживала их от развития. Мнимое положение жениха и невесты, под которым подразумевалось опять-таки мнимое гражданское супружество, ужасно запутывало ситуацию. Ельцовы смирились, что дочь живет с молодым мужчиной без официального оформления брака. Это не редкость. Но когда она заявила: «Мы разъезжаемся!» – они пришли в недоумение.

– Мы хотим проверить свои чувства, – объясняла Астра. – Поживем порознь. А вдруг, мы ошиблись, и вместо любви испытываем друг к другу просто симпатию? Принять дружеское расположение за любовь так легко!

Мать с отцом молча разводили руками. Что они могли сказать? По-видимому, первый опыт дочери, когда она собиралась выйти замуж за человека, который спал с ее подругой, наложил свой отпечаток. Обжегшись на молоке, девочка дует на воду.

– По-моему, этот Матвей – неплохой парень, – говорил Ельцов. – Раз терпит ее выкрутасы.

На семейные торжества в загородную резиденцию Ельцовых они продолжали приезжать вдвоем, но после – отправлялись каждый к себе. Матвей подвозил Астру на Ботаническую и прощался, проклиная себя за нерешительность.

Она не приглашала его ни выпить чаю, ни посидеть, поболтать. На ниве частного сыска, которым Астра занималась от скуки, наступило затишье. Никаких расследований, как назло, не подворачивалось.

Оба не подавали виду, что им чего-то не хватает. Матвей с головой погрузился в работу – его конструкторское бюро набрало заказов, и сотрудники не справлялись. По будням он до позднего вечера сидел в офисе, выходные проводил в военно-спортивном клубе «Вымпел». В октябре отправился со своей группой «трудных» подростков в пеший поход по Новгородской области, показывал места бывших боев, заброшенные монастыри. Маршрут выбрал экстремальный, чтобы как следует встряхнуть изнеженных барчуков. Учил выживать в условиях болотистой местности, разжигать костры под проливным дождем, оборудовать жилье в лесу. Вернулись в Москву уставшие, но довольные. Парни не ныли, проявили характер и не посрамили своего наставника. Оказывается, они успели много почерпнуть на тренировках, выработать необходимые навыки. Бросок на дальнейшее расстояние не выбил их из колеи, а, наоборот, мобилизовал.

– Если в лесу заблудитесь, с голоду и холоду не умрете, – хвалил их Матвей.

В пустой квартире все напоминало ему об Астре. Компьютер, за которым она просиживала ночи напролет, кресло, которое она облюбовала для чтения, расставленные повсюду бесчисленные свечи: желтые, красные, зеленые, толстые и тонкие, фигурные – всякие. «Буду приходить в гости и зажигать, – улыбалась она. – Обожаю огонь!»

Это произнесенное ею вскользь «в гости» резануло слух. Неужели они только друзья? От Матвея впервые ушла жен-

щина – не жена, не любовница. Ту мимолетную близость, что случалась между ними, нельзя было назвать интимной связью. Скорее платонической любовью. Идиотской, нелепой.

До сих пор он первым расставался с дамами и никогда не жалел о прошлом. Что ушло, то ушло. Из-за Астры он порвал со своей пассией – Ларисой Калмыковой. Вот бы она повеселилась, узнай, как у него обстоят дела на любовном фронте!

Матвей не мог понять, что с ним происходит. Перед Ельцовыми он строил из себя чуть ли не зятя, а наедине с Астрой становился колючим, язвительным и пуще всего боялся показаться влюбленным. Да, жениться он не собирался. Так ведь и она к браку не стремилась. Кто-кто, а она его точно под венец не потащит.

Карелин не решался признаться себе, что его влечет к Астре не столько физически – между ними существовало какое-то более тонкое и таинственное притяжение, которому и названия нет. «Я попал в страшный плен, самую неодолимую зависимость», – осознал он.

У него в ушах еще стояла произнесенная Астрой однажды фраза: «*Я хочу твою душу!*» И у Матвея по коже мороз пошел, будто кто-то холодомдохнул, заледенил кровь в жилах.

В декабре окончательно установилась зима с розовыми рассветами и холодным солнцем. Шел снег – густой, хлопьями. Белая, чистая, сверкающая Москва готовилась к новогодним праздникам. Пахло хвоей, повсюду уже продава-

лись елки и елочные игрушки. Матвей не выдержал, позволил Астре.

– Снег идет... – сказал он, чувствуя себя по-дурацки счастливым.

«Раздели со мной эту радость».

– Ко мне приехала двоюродная сестра Катя, – сказала она. – Из Богучан. Не хочешь составить нам компанию в Третьяковку?

Он хотел. Очень.

– Вы меня приглашаете?

– Разумеется. У тебя же машина!

Астра имела удивительный талант все испортить. Он не остался в долгу.

– А что, «Мерседес» господина Ельцова в ремонте? Ради такого случая...

– Я предпочитаю тебя в качестве водителя, – перебила она. – Заодно угостишь нас ужином в каком-нибудь экзотическом ресторане. Завтра. Сегодня у нас по плану Царицыно.

Матвей смирился. Они давно не ужинали вместе...

Глава 2

Москва. Три года тому назад

Жизнь круче любого вымысла. Эту истину она открыла для себя в первый же вечер в столице. Самые худшие предположения не шли в сравнение с реальной ситуацией.

«Я угодила прямо в лапы сумасшедшему, – думала она, борясь с опьянением. – Он заманил меня в свое логово... чтобы... чтобы...»

Мысли путались, обрывались. Утомительная дорога, нервное напряжение, неизвестность, тревожные ожидания и заключительный аккорд – кража сумки – сделали свое дело. Молодая неопытная девушка потеряла бдительность, расслабилась, поверила первому встречному и оказалась у него на крючке. Она сама пришла с ним в пустую квартиру, позволила запереть дверь, напилась...

«Он напоил меня! Налил полстакана... Что мне оставалось? Перечить? Опасно. Маньяка раздражить легко, а как его потом утихомирить? Возьмется за нож... или за веревку...»

От ужаса темнело в глазах. Этим вечером она узнала запах и вкус страха. Неужели пришел конец ее короткой незатейливой жизни? Она ведь еще не успела ничего узнать: ни любви, ни счастья, ни славы...

Она хотела молить о пощаде, но слова застряли в горле. Сознание заволакивал алкогольный дурман. Тело почти не слушалось ее, мысли вспыхивали и гасли, подобно искрам догорающего костра...

Велидар казался внешне спокойным. Он крепко взял ее за руку – она пошатнулась, и он обхватил ее за плечи. Какой все-таки красавец! Только теперь эта красота ее пугала.

– Вот и хорошо... – шептал он, препровождая ее в другую комнату. – Ложись...

Она опустила на продавленную тахту и обреченно сомкнула веки. Сопротивляться не было сил. Сейчас он начнет

ее душить... насилловать...

Звук закрывающейся двери, щелчок язычка... тишина.

«Он что, ушел? – шевельнулось в ее уме. – Вернется с ножом или... О, нет! Почему это должно было случиться именно со мной?»

Он не возвращался. Она, не веря себе, вскочила, и метнулась к окну. Вернее, это ей так представлялось – на самом деле она неуклюже сползла с тахты и кое-как доковыляла. Высоко...

– Если прыгну, разобьюсь насмерть. Зато умру быстро. Все лучше, чем мучиться...

Ее юное здоровое тело восстало против собственной глупости, рука не поднялась распахнуть оконные створки. Грудь свело спазмом. Едва отдышавшись, она обвела комнату отчаянным взглядом. Что она искала? Утюг? Тяжелую вазу? Трость? Что-нибудь, чем можно защищаться... Может, у нее есть еще шанс спастись?

На глаза попалась пара гантелей. Она с трудом взяла одну, прижала к себе – только бы не уронить. Водка ударила в голову – все вокруг плыло, мутилось...

Чудом держась на ногах, она сделала пару шагов к шкафу. Спрятаться! Зарыться в одежду, распластаться по стенке... Господи! Помоги...

Шкаф оказался слишком мал, чтобы послужить ей убежищем, – она в нем не помещалась, ни сидя, ни стоя. А ма-няк вот-вот явится к своей жертве... он дышит там, за две-

рю... наверное, ищет орудие убийства... Свет! Надо выключить свет...

В темноте ее обуяла жуть – не дай бог, она уснет и не сумеет вовремя дать отпор убийце. Куда же спрятаться? Через окно в комнату проникала луна, бледная и зловещая. В углу, за шкафом стояло что-то, накрытое старым покрывалом. Кажется, свернутый ковер. Если втиснуться между ковром и стеной, опуститься на корточки...

От страха ее тело то ли ужалось, то ли приобрело удивительную гибкость, но ей удалось проделать этот трюк. В углу пахло пылью и средством от моли – она поправила покрывало и оказалась в крошечной тьме. Звуки доносились как бы издалека, приглушенные и невнятные. Время замерло.

Ее клонило в сон... Незаметно, исподволь ею овладела дрема. Она то просыпалась, то вновь погружалась в забытие. Затекали ноги, но она их не чувствовала. Да и переменить положение было невозможно.

Она встrepенулась, когда кто-то открыл дверь и остановился на пороге, не зажигая света. Потом щелкнул выключателем. Она похолодела. Вот и пришла ее смерть...

Покрывало оказалось дырявым. Кто-то двигался по комнате – бесшумная темная тень. Потом свет выключился, и все стихло. Или она просто оглохла от ужаса? Боль в затекших ногах заставила ее пошевелиться... Сколько еще так сидеть, скрючившись, замирая от каждого шороха, в мучительном ожидании конца? Пальцы правой руки не разжимались,

и она вспомнила, что так и держит гантель. У нее есть оружие, которым можно проломить череп!

– Только попробуй, сунься! – беззвучно вымолвила она.

Маньяк как будто забыл о ней. Неужели он вошел в комнату, увидел, что ее нет, и не стал искать? Но... почему? Сбежать ей отсюда некуда. Впрочем, разве в поступках сумасшедшего есть логика? Больной ум подчиняется другим правилам, созданным им самим. Он далек от здравых рассуждений.

Нервное потрясение и последующий, пусть и некрепкий сон ослабили алкогольное опьянение: ее сознание прояснилось, мысли заработали четче. Где этот... Велидар? Что задумал? Почему затаился?

Словно в ответ на ее вопрос из соседней комнаты послышался какой-то стук, возня. Что он там делает? Ищет свою жертву? Его замутненный мозг не в состоянии анализировать ситуацию. «В таком случае у меня появляется возможность спастись, – подумала она. – Надо попробовать обмануть его, перехитрить!»

Пересиливая страх, она придвинулась ближе к шкафу и выглянула из-под покрывала. От пыли щекотало в носу и горле – хоть бы не чихнуть! Дверь в другую комнату была открыта, оттуда лился рассеянный желтый свет. Кто-то большой и темный ходил там из угла в угол, сопел... Вдруг шаги прекратились. Невидимый злодей стоял, размышляя, куда могла подеваться девчонка.

«Забудь обо мне! Забудь! – заклинала она. – Реши, что ты меня придумал! Никакой встречи на вокзале не было! Это всё плод твоего воображения! Твои фантазии не всегда осуществляются наяву!»

Невероятно, но ее заклинания возымели действие. Маньяк еще некоторое время находился в комнате, что-то делал... Потом раздались его удаляющиеся шаги, мягко закрылась входная дверь. Он даже не погасил свет...

Она не верила своим ушам, а встать, покинуть свое укрытие и осмотреть квартиру мешал страх. Что, если убийца только сделал вид, что ушел, а сам ждет, когда жертва выдаст себя? Невыносимая боль в затекших ногах и во всем теле вынуждала ее двигаться. Сначала она медленно, стараясь не дышать, выбралась из-под покрывала и просто сидела, ощущая, как кровь разгоняет оцепенение, как мурашки бегут по мышцам, по спине – возвращается чувствительность. Потом, не выпуская из рук гантели, подкралась к дверному проему и осторожно выглянула. Маньяка не было. Оставалось проверить кухню, ванную и туалет. Ее сердце громко, сильно стучало, в горле пересохло.

Квартира оказалась пуста, дверь захлопнута. Но она легко открывалась изнутри, стоило оттянуть рычажок, и...

– Что-то здесь не так, – прошептала гостя. – Маньяк отправился на новую охоту? А клетку не запер? Он уверен, что жертва ускользнула?

Интуиция подсказывала иное. Страх выбросил в кровь

очередную порцию адреналина. Гостье стало зябко. Что-то скрипнуло, и по квартире загулял ветер – занавеска надулась белым парусом. Балкон! Как же она сразу не заметила, что балконная дверь приоткрыта? Порыв ветра распахнул створку...

Она вышла на воздух – октябрьская сырость наполнила легкие... и выплеснулась наружу в сдавленном крике. Велидар полулежал на балконе, на боку, головой к перилам, его ноги были согнуты в коленях – при своем росте он едва помещался в этом маленьком огороженном прямоугольном пространстве. К балкону примыкал соседний, их разделяла решетка. К счастью, там никого не было – никто не вышел покурить, проветриться после обильных возлияний.

«Ночь же! – сообразила она. – Люди спят!» И с трудом заставила себя наклониться.

– Боже мой!

Молодой человек был мертв. На его шее виднелась рана, но из поврежденной артерии кровь уже не лилась – повсюду на одежде убитого, на балконном ограждении и даже на полу образовались темные сгустки.

Ее затошнило. Она едва успела перегнуться через перила вниз, как ее вывернуло. В голове звенело, и громче этого звона звучала мысль: «Бежать! Бежать! Немедленно! Куда глаза глядят!» Она боялась, что убьют ее, а убили почти незнакомого парня, который привел ее в чужую квартиру. Кто здесь хозяин? И почему погиб Велидар? Убийца может

вернуться, и тогда...

«Повторится то, что уже было, – вспомнились ей слова молодого человека. – Ничего нельзя ни предотвратить, ни изменить...»

Он что же, знал о своей смерти?..

* * *

Москва. Наше время

Калганов был вне себя от возмущения.

– Вы что, думаете, смазливые мордашки и пышные сиськи вам дорогу проложат? – зло отчитывал он своих подопечных. – Работать надо, сладкие мои! Не то скатитесь на дно, откуда я вас вытащил – отмыл, причесал и петь научил. Где Юна? Где Лея?

Он сыпал руганью и угрозами. Девушки обиженно молчали, сдерживали слезы. Они и так вкалывают, как каторжные – ни сна, ни отдыха, ни нормальной еды. А Рома еще орет.

– У Юны мама заболела, – жалобно пропищала Чара, жгучая брюнетка с черными глазищами на бледном лице. – Ей из дома позвонили. Она собралась и...

Калганов разразился замысловатой бранью.

– Нет у вас ни мам, ни сестер, ни братьев, ни мужиков,

ни друзей – никого! Зарубите себе на носу! Вечером у нас выступление в клубе «Спичка»! Бабки я уже получил, так что...

– Рома, ты же сам пообещал нам неделю отдыха!

– Какой я вам Рома? – взвился продюсер. – Я вам – Роман Витальевич! Запомните, голосистые вы мои! Почему она мне не сообщила?

– Юна тебя набирала... – бросились защищать подругу девушки. – Связи не было.

Калганов вспомнил, что сам отключил телефон на пару часов – его любовница терпеть не могла, когда во время секса звонил мобильник. Источая флюиды негодования, продюсер стоял посреди комнаты, всем своим видом демонстрируя укор неблагодарным девицам. Не ценят они его усилий, его трудов. Как-никак, а вывел он их, вчерашних неумех и неудачниц, на сцену – пусть пока группа выступает преимущественно в кабаках и на молодежных тусовках. Это поправимо. Девчонок ждет большое будущее. Он в шоу-бизнесе не первый год, у него нюх на подобные вещи. Конкуренция, конечно, бешеная – многие не выдерживают, вылетают с дистанции. Но Калганов умел *зацепиться* и уверенно, не спеша, развивать проект.

Гастроли группы по маленьким городам прошли успешно, залы не вмещали всех желающих. Впереди по плану – областные центры. Два клипа они уже записали, раскрутка идет, как положено. Популярность растет, скоро диск вый-

дет в продажу. Главное, не давать девушкам спуску, чтобы не расхолаживались, поддерживали тонус.

– Где Лея? – повторил он вопрос. – Тоже маму проводить отправилась? Забудьте о родственниках! Забудьте о парнях!

– Она в аптеку выскочила, сейчас вернется.

– Кто-то заболел? Мне плевать! Все равно поёте! Если через час не будете готовы, оштрафую! Лишитесь гонорара за выступление.

Он повернулся на каблуках, окинул взглядом скромное жилище – две смежные комнаты, уставленные раскладными диванами и шкафами с одеждой, кухня и совмещенный санузел. Царские апартаменты! Когда он начинал, жить приходилось в общежитии, делить тесную комнатную еще с тремя приятелями, спать на полу, питаться кефиром и булочками. Денег даже на курево не хватало. И ничего, выбился в люди, достиг, чего хотел. Голод подстегивает, сытость располагает к лени.

– Разбаловал я вас, – сурово произнес Калганов. – Распустил. Пора закручивать гайки. Через час за вами придет машина. Не опаздывать!

– А Юна? – робко спросила блондинка с непомерно высокой грудью.

Ее звали Мио – все девушки взяли себе сценические псевдонимы.

– Споете вчетвером. С Юной я разберусь после, когда вер-

нется. Солистка у нас Лея. Надеюсь, с ней все в порядке?

– У нее отравление, – поспешно объяснила Мио. – Желудок болит. Пошла за таблетками.

– Меня это не касается, – разозлился продюсер. – Варите себе манную кашу или овсянку. Нечего всякой дрянью питаться!

Он вышел, громко хлопнув дверью. Девушки понуро молчали, не глядя друг на друга.

– Рабство какое-то, – тяжело вздохнула Бэла – такая же черненькая, как и Чара, только с раскосыми глазами. – Мы свободные люди или подневольные? Почему он на нас орет, как плантатор на рубщиков тростника? Послать бы его куда подальше!

Она щелкнула зажигалкой, раскуривая длинную сигарету.

– Рома запретил курить, – строго произнесла Мио.

– Ой, девчонки, уехать бы домой... – мечтательно протянула Чара. – Выспаться всласть, наесться досыта... Задолбалась я уже с этой фигурой! Денег у нас стало больше, зато мы света белого не видим. На кой черт мне красота, если я с парнем встретиться не имею права? Замуж выйти тоже не могу. А ведь лучшие годы проходят!

– У нас контракт...

– Что дома делать-то будем? Опять на дискотеках петь, где одна пьянь да рвань? Копейки считать? На косметике экономить? Рома хоть и сволочь, но свое дело знает. – Бэла выпустила из яркого рта облачко дыма. – Я уж привыкать стала

к столичной жизни. Ладно, девахи, хватит лясы точить. Собираться надо. Где Лейка? Не дай бог, задержится.

– В аптеке, видно, очередь длинная...

Чара многозначительно хмыкнула.

– Может, хахаль какой объявился у нашей солистки?

– Набери ее.

– Ха! Вон видишь, ее сотовый валяется? Не взяла телефон наша прима, забыла.

Все девушки были родом из провинции. Калганов подбирал их на региональных конкурсах, предлагал создать свой коллектив.

– Вы плохо поете и неуклюже двигаетесь, – без обиняков заявлял он. – Но у вас есть потенциал. Если договоримся, устрою вас в Москве.

Они с восторгом соглашались. Тогда предложение известного продюсера казалось им неслыханной удачей. Никто и думать не смел ставить какие-то условия, оговаривать пункты контракта – подмахнули не глядя. В сущности, он не оставил им выбора. Сразу предупредил:

– Будет, как я скажу. Или распрощаемся прямо сейчас.

Надо ли говорить, что девушки ухватились за Калганова крепче, чем утопающий за спасательный круг. Будь контракт куда более кабальным, они бы и его подписали.

Подводные камни договора выявились позже, когда началась работа. Продюсер выжимал из подопечных соки, а они и пикнуть не имели права. Оказалось, все права у Ромы.

А у них – одни обязанности. Даже название их маленькому коллективу придумал Калганов: «Русалки». Не советуясь, не ища одобрения.

Как бы там ни было, группа сложилась, спелась и стала набирать популярность.

Изюминкой проекта Калганов сделал «языческую составляющую» в репертуаре ансамбля.

– Что за хрень? – обсуждали нововведения девушки. – У нас – молодежная аудитория. Нас осмеют, освищут!

Однако их мрачные прогнозы не сбылись. Наоборот, необычные приемы *заводили* публику, наэлектризовывали атмосферу так, что впору было сверкать молниям и греметь грому. Более того, сами участницы группы неожиданно увлеклись «бесовским пением и многовертимым плясанием», как церковь много веков назад называла старинные обряды. Наверное, от предков вместе с генами наследуется и зов крови, отклик на древнейшую магию, – потому что *новое* оказалось хорошо забытым старым и проснулось как в участниках, так и в зрителях.

Калганов велел девушкам освоить и ввести в обиход свирели, простейшие гусли, бубны и трещотки. Наряду с обычными песнями непременно исполнялись одна-две композиции, уподобленные языческим игрищам, – с переодеванием, с характерными ритмами, с заклинаниями и действиями, порой непонятными самим исполнительницам. Это вызывало у слушателей недоумение, которое перешло в интерес и сбли-

зило группу с аудиторией – молодежь вовсю подпевала, при-
топтывала, скакала и вертелась вместе с «Русалками».

Как любое неординарное явление, творчество девушек
вызывало разные толки в среде шоу-бизнеса:

– Фольклор и попса – несовместимы! Это нонсенс. Дичай-
шая смесь...

– Почему же? И то и другое одинаково примитивно...

– Сравнили!

– Где вы видите фольклор? Грубая подмена народной
культуры современными приемчиками...

– Безвкусица! Псевдославянщина!

– Полное отсутствие стиля...

– Нынче мода пошла на самоварную Русь...

– Опорочить древние обычаи! Какая наглость!

– Шабаш полуголых девиц с дудками и бубнами...

– Позор!

– Вы видели, как они входят в раж? Это же транс, кото-
рый демонстрируют шаманы, напившись настойки из мухо-
моров!

– Откуда вы знаете, что они там употребляют перед вы-
ступлением? Возможно, какое-нибудь наркотическое сред-
ство...

– Тогда нечему удивляться!

Мнения разделились. Одни «Русалок» ругали и злобно
высмеивали, другие хвалили, третьи – забавлялись. Нашлись
и рьяные почитатели. Никто не отрицал, что если обычные

песни можно исполнять под фонограмму, то «языческие» – только живьем. Это и стало коньком группы. У девушек появились поклонники, их начали приглашать на гламурные тусовки, чтобы внести свежую струю и взбодрить пресыщенную публику.

«Спичка» – ночной клуб, где проводит время не только молодежь, но и люди старше тридцати, не отягощенные пуританской моралью и твердыми принципами. Заведение престижное, хотя и не из самых дорогих.

«Русалки» собрались, осталось спуститься во двор. Калганов позвонил, что послал за ними машину.

– Где же Лея? – нервничала Мио.

Выступать без солистки будет непривычно и сложно. Что скажет продюсер, когда увидит вместо пяти девушек – трех?

– Да расслабься ты... – буркнула Чара. – Придет она. Успеет!

В подтверждение ее слов в дверь позвонили.

– Фу-у... Лейка, напугала! Где тебя черти носят?

– Что случилось-то?

– Давай, одевайся бегом, в «Спичку» едем. На всю ночь!

Рома пригрозил, что не заплатит, если опоздаем.

– О, боже! Мог бы заранее предупредить!

Глава 3

С той роковой ночи прошло три года, но она ничего не забыла. Ни глаз Велидара, ни его слов, ни его мертвого тела в загустевшей крови...

Говорят, преступника неизменно тянет на место преступления. А что тянуло ее в Южное Бутово, к дому в Чечерском проезде?

Тогда, не помня себя, она схватила куртку и выбежала прочь из страшной квартиры. Ей не пришло в голову позво-

нить в полицию. Да и что бы она сказала? Кто бы ей поверил? Она долго пыталась понять, как убийца попал в квартиру. Похоже, Велидар сам впустил его. Но зачем он это сделал, если предчувствовал гибель?

Судя по тому, что кровь была только на балконе, его убили там, где она обнаружила тело. Значит, убийца и жертва вышли на балкон... Так не проще ли было бы столкнуть Велидара вниз? Не проще. Он высок, силен, и оказал бы сопротивление. А он позволил себя убить.

Получается, все выглядело по-другому. Велидар вышел на балкон один – посмотреть на звезды или просто подышать перед сном. Убийца подстерегал его на соседнем балконе, за решеткой. В темноте его могло быть не видно. И как только парень оказался в пределах досягаемости, ударил его в шею чем-то острым и толкнул... Тот упал, а преступник спокойно перелез на чужой балкон и оказался в квартире. Он не знал, что этим вечером молодой человек привел девушку.

Зачем он ходил по комнатам? Что-то искал? Деньги, ценности? К счастью, гостя вовремя спряталась, и убийца ее не заметил. Он сделал свое дело и ушел через дверь.

Она пыталась вспомнить, что изменилось в квартире после его ухода – много ли вещей было разбросано, где и как они лежали. Панический страх гнал ее прочь, хотелось одного: поскорее унести оттуда ноги.

Она долго бежала по пустынной ночной улице, пока не выдохлась и не рухнула на скамейку в каком-то дворе: унять

бешеный стук сердца, прийти в себя, опомниться. Где она? Как здесь очутилась? Что с ней произошло? Ей повезло, и она избежала смерти? Или в ее жизнь вторглось нечто враждебное, жуткое и совершенно необъяснимое?

Внутренний голос не прибавлял спокойствия, настаивая на том, что встреча с Велидаром не случайна и теперь именно это обстоятельство будет определять ее судьбу.

Она сидела в неухоженном дворе, в окружении темных домов, как в горячке, не замечая ледяного ветра... Постепенно холод проникал под одежду, и ее начал сотрясать озноб. Зуб не попадал на зуб, руки окоченели. Куда было ей идти? Опять на вокзал? Пешком, через весь ночной город? Все ее деньги остались в кошельке, в сумочке, которую украл подлый мальчишка. Не то, что такси поймать – ее даже в метро не пустят. Она взглянула на часы – скоро пять утра, пока развиднеется, она превратится в ледышку, подхватит ангину или того хуже – воспаление легких. Этот город отторгал ее, а ведь на него – вся надежда! Она сделала непомерно высокую ставку, оказалась плохим игроком. Первый же решительный шаг окончился крахом. Хоть иди в подземный переход просить милостыню, как оборванцы, которые заученно гундосят: «Извините, что обращаемся к вам... Нас обокрали, нам не на что купить билеты и вернуться домой. Помогите, кто чем может!» Она видела таких в электричках, на вокзале и не верила им. Вот бог и окунул ее «мордой в грязь». Не гордись, мол, твоя беда рядом ходит. Самой придется петь ту же

песню, а люди, проходя мимо, будут бросать в твою сторону оскорбительные реплики.

«Какой у меня выход? – затравлено думала она. – Идти в полицию? Там дозвонятся до ее родни, или дадут телеграмму с просьбой выслать денег».

С самого начала надо было не слушать Велидара, но она взглянула на него и обомлела, растаяла от его красоты, приятного голоса. Расплата оказалась скорой!

Она подышала на руки. Перчатки и шарф в чемодане, а до него еще надо добраться. Мама говорила: «Не модничай, одевайся теплее. В чужом городе ты никому не нужна, дочка. Зря ты это затеяла!»

Пальцы скрючились от холода, дыханием их не согреть. Она сунула руки в карманы – там что-то хрустнуло. Деньги! Откуда? Целых пять тысяч! Она бредит, тронулась умом от пережитого ужаса. Но тысячные купюры были вполне реальными – на вид и на ощупь...

Догадка обожгла ее. Велидар! Только он мог положить деньги в карман ее куртки. Выходит, он не собирался ее убивать? Конечно, не собирался! И в мыслях не держал. Она все придумала, неблагодарная, трусливая дуреха. Заподозрила его черт знает в чем и сама лишнего страху натерпелась.

Она вспомнила про паспорт и полезла во внутренний карман. Все в порядке. Фф-у-у-у... не хватало еще без документов остаться... А это что? Вместе с паспортом она вытащила сложенную вдвое записку. От кого?

Глаза торопливо побежали по строчкам, наливаясь слезами. Станные, непостижимые слова... чушь какая-то... И подпись: Велидар. Кто же еще мог написать эту записку и сунуть в карман, где лежал ее паспорт?

– Значит, между нами ничего не кончено, – прошептала она. – Ты продолжаешь говорить со мной... даже с того света. Разве мы уже где-нибудь встречались? Разве нескольких часов знакомства достаточно... для любви?

Она встала со скамейки и побрела, не разбирая дороги. Ноги сами несли ее. Ветер стих, края неба посветлели, над крышами висел тусклый месяц в молочном ореоле. Редкие прохожие зябко кутались в шарфы и воротники, шагали, не глядя по сторонам, – сонные, недовольные. Парень в спортивном костюме и шапочке резво бежал по тротуару. Дворники шаркали метлами, убирая напавшую за ночь листву.

Осень, серый асфальт, дома со слепыми окнами, бледные фонари, листва под ногами, прохожие – все это казалось ей призрачным миром, по которому скользили тени. И она была в их числе – такая же бесплотная тень, без чувств, без желаний. Куда она шла? Бог знает... Что-то заставляло ее двигаться – наверное, холод. Она спустилась в метро, дождалась поезда и поехала – ей было все равно куда. Вышла. Наверху рассветало – уже появились маршрутки, троллейбусы, серые в унылых сумерках легковушки. Москва просыпалась, просыпалось и сознание приезжей провинциалки.

Она купила телефонную карту. С трудом удалось вспом-

нить домашний номер одного человека – пришлось набирать наугад, методом «тыка», пару цифр поменять местами. В конце концов, ей ответил именно тот, кого она искала. Повезло.

В какой-то момент мелькнула мысль – *Велидар подсказал*. Разумеется, она ее отбросила. Наступал рассвет новой жизни...

Те первые сутки, которые она провела в Москве, оставили неизгладимый след в ее памяти, глубокую зарубку в сердце. Что бы она ни делала, о чем бы ни размышляла, мысли ее возвращались к встрече с Велидаром, к записке, к его нелепой и страшной смерти. Она провела те кошмарные часы в таком отчаянии, что была поражена, когда ее потянуло в Южное Бутово. Недоумевала, обвиняла себя в безумии, долго сопротивлялась... и все же поехала.

Просто удивительно, как она по прошествии нескольких месяцев сумела найти тот дом. Поднялась на пятый этаж, увидела коричневую дверь, – дыхание сбилось, по телу побежали мурашки. Рука потянулась к звонку... Она ее отдернула. Кто ей откроет? Та семейная пара, которая была в отпуске? Новые жильцы? Никто? За дверью стояла враждебная тишина...

Задребезжал лифт, из его недр на площадку выплыла дородная матрона лет шестидесяти, с крашеными волосами, в полупальто из искусственного каракуля, она окинула девушку недобрый взглядом.

– Ты кто будешь?

Зычный голос матроны эхом прокатился по всем этажам.

– Я... квартиру ищу...

– Туда не иди, – пухлый палец тетки показал в сторону коричневой двери. – Там человека убили. Жильца! С тех пор никто не идет. С убиенным еще молодая пара комнату снимала, так они сразу съехали.

– Уби-и-или? Ужас! – девушке пришлось изображать изумление и страх. Впрочем, она не очень-то и старалась: все вышло естественно. – А кто?

– Не нашли злодея. Скрылся и орудие убийства с собой прихватил. Полицейский по всем квартирам ходил, расспрашивал. Да всё без толку! Разве в наше время преступников ищут? Так, пошебуршат для проформы и закроют дело-то. Им лишнее беспокойство ни к чему. Это в кино складно показывают – анализы там всякие, эспе... экс... экспертизы, собаки обученные, которые по следу убийц находят. А в нынешней жизни, дочка, порядка нету!

– Что же, никто из соседей ничего не видел, не слышал?

– На этой площадке все квартиры сдаются, – почему-то понизила голос матрона. – И я свою сдаю. Жильцы меняются, друг друга в лицо не знают. Один съедет, другой поселится. Полнейший кавардак! Жалко парнишку... Славный парнишка был, вежливый, всегда здоровался. Не то что остальные. Я сюда часто навещаюсь. Квартиранты без присмотра такого наворотят, не расхлебаешь! Месяц назад кран сломался.

ли, нижний этаж залили. Скандал был. А позавчера...

Дама в искусственном каракуле оказалась охотницей поболтать. Но главного не сказала: кто и почему убил молодого жильца из несчастливой квартиры...

* * *

Период бурного восхищения Москвой сменился у Кати подавленностью и мигренями. От музеев и театров кружилась голова, гудели ноги. Лихорадочная беготня по магазинам – благо дядя, отец Астры, щедро снабдил деньгами «на карманные расходы» – наскучила. Племянница отродясь такой суммы в руках не держала, бросилась душить Ельцова в объятиях, от чего тот сначала оторопел, потом умилился. Давно отвык от простоты выражения чувств.

Жители мегаполисов становятся особой кастой, считала Астра, не говоря уже о так называемом среднем классе, который позволяет себе посматривать на других свысока. А богатые люди все больше становятся каким-то инопланетным обществом, окруженным стенами роскошных особняков, охраной и затемненными стеклами дорогих автомобилей, – далеким от нужд и чаяний своих сограждан. Астра всеми силами старалась избегать этой самоизоляции, которая ей претила. Потому, наверное, и отвергла предложение отца работать в его компании, неохотно брала у родителей деньги и стремилась к самостоятельности. Бизнес – не ее предназначение.

Она не то чтобы выражала протест, она отстаивала свою индивидуальность, взгляды на жизнь и свое право выбора.

Гостья из Богучан не сразу разобралась, как складываются взаимоотношения в семье московских родственников, и засыпала двоюродную сестру вопросами. Ты актриса? Почему твой отец не заплатит, чтобы тебя взяли в театр? Или в кино сниматься? За деньги же все можно! Не хочешь? Ну, ты даешь, сестричка! Почему одеваешься, как все? Где твои драгоценности? У тебя даже серег с бриллиантами нет?

– Есть, но я их не ношу. Иногда только надеваю, в случае надобности, – терпеливо объясняла Астра. – Актрисы из меня не вышло, к сожалению. А талант за деньги не купишь.

– Почему замуж не выходишь? – недоумевала Катя. – С твоим-то приданым? Неужели женихов нет?

Сестра отшучивалась:

– Я любви хочу, как в индийских фильмах. Чтобы непременно со слезами, с танцами, а бедный и красивый молодой человек чтобы оказался в конце сыном раджи.

– Не смешно. Возраст у тебя, между прочим, критический. Кстати, почему ты не живешь с родителями в вашем шикарном доме? Квартира, конечно, тоже отличная... но маловата. Я бы на твоём месте...

Загородный коттедж Ельцовых казался Кате сказочными хоромами. Особенно поразили ее ваннные комнаты на каждом этаже и зимний сад.

Астра водила гостью на художественные выставки и на-

шумевшие спектакли. Но в театре Катя клевала носом, а на выставках ее куда больше интересовало, где бы перекусить, нежели шедевры модных живописцев. Она полюбила тонкие блинчики с шоколадной начинкой, пиццу, картофель-фри, гамбургеры и постоянно тащила Астру в «Макдоналдс» или пиццерию.

В метро Катю подташнивало, с таксистами она ругалась из-за непомерно высоких цен, и Юрий Тимофеевич мило-стиво предоставил девочкам машину с водителем.

– Ух ты! – восхитилась Катя, боясь притронуться к красавцу автомобилю. – Вот это тачка! Расскажу подружкам – не поверят. Астра, сфоткай меня! Подожди, я дверцу открою, как будто сажусь. Или лучше рядом встать? А?

Астра прыснула, но послушно достала фотоаппарат. Шо-фер Миша сохранял вежливую невозмутимость – выучка.

– Куда едем, Астра Юрьевна? – осведомился он после окончания фотосессии.

– В Царицыно. Покажем Кате парк.

Прогулка длилась около часа. Вокруг лежал снег, его белизна оттеняла цвет построек из красного кирпича – причудливых галерей, арок, мостов и дворцов. Катя замерзла и страшно проголодалась.

– У меня ноги окоченели-и, – хныкала она. – Я есть хочу-у...

– Посмотри, какая красота!

Катю решительно не интересовала ни загадочная история

усадеб, ни масонская символика, ни личная драма зодчего. Ведь Екатерина II забракowała дворец и приказала его сломать. Изумительные зимние виды, заиндевелые деревья, блеск снега, равно как и творения Баженова, оставили Катю равнодушной.

Астра выбилась из сил и сдалась. Миша отвез их на Ботаническую.

– Все! Я больше не могу, – простонала Катя, с наслаждением сбрасывая в прихожей модные сапожки на каблуках. – Какой ужас этот ваш город! Как вы только тут живете? У меня голова кружится. Завтра я из дому ни ногой!

– Как это? А Третьяковка? А ужин в ресторане?

– Третьяковка... – растерянно пробормотала гостя. – Это картинная галерея... живопись, да? Я, наверное, не так люблю картины, чтобы...

– Побывать в Москве и не посетить Третьяковскую галерею? – негодуяще перебила Астра. – Этого я тебе не позволю! Разве ты не хочешь познакомиться с... – она собиралась сказать «с творчеством знаменитых художников», но сочла аргумент неубедительным и на ходу изменила концовку: – ...с моим женихом?

Глаза Кати полезли на лоб.

– У тебя есть жених? А что же ты до сих пор молчала? Я уже две недели тут живу, и... почему ты мне сразу его не показала?

Глава 4

Она еще не раз приезжала в Южное Бутово, бродила вокруг *того* дома, смотрела на окна *той* страшной квартиры, на балкон, который выходил во двор, и ломала голову: кому понадобилось убивать Велидара? Что означает его записка? Чего он от нее ждет? Что она должна сделать?

Неспроста он положил деньги в карман ее куртки, неспроста написал те взволнованные строчки. Он будто предугадал свою гибель, и он заранее все просчитал. Потому и велел ей

выпить водки, закрыл в соседней комнате. Попадись она на глаза убийце, он бы и ее тоже прикончил. Свидетелей в жилых не оставляют. Он осмотрел всю квартиру, дабы удостовериться – она пуста, кроме мертвеца на балконе, в ней больше никого нет.

– Я не спросила у Велидара ни фамилии, ни адреса, – запоздало сокрушалась девушка. – Я ничего о нем не знаю.

Прошел год, второй. Жизнь текла своим чередом. У нее все складывалось удачно – то, о чем она мечтала, сбылось. Только нет-нет, да и приснится ей голубоглазый великан с располагающей улыбкой, с мягкими манерами. В последнее время все чаще...

Она не могла встретиться с Велидаром наяву и представляла себе, как они вместе гуляют, пьют вино, целуются... Иногда – изредка – он напоминал ей о *той записке*.

– Что мне нужно сделать? – спрашивала она.

– Придет время, поймешь.

На третий год подобных воображаемых свиданий она ужаснулась.

– Неужели, я полюбила... мертвого? Как такое возможно?

В детстве и юности она почти не читала книг. Куда интереснее было гулять во дворе с подружками, смотреть телевизор или слушать популярную музыку. Она отдала дань обычным увлечениям молодежи провинциального поселка – шумные вечеринки с выпивкой, пикники, дискотеки, волейбол, лыжи. Но ей всегда чего-то не хватало, всегда влек-

ло куда-то, хотелось *настоящей жизни*, яркой, бурной, полной событий. Как всякая девочка, девушка, она мечтала о любви, но эта любовь должна была быть особенной, неповторимой, романтической, «вечной», быть может, трагической. Если бы ее жениха, например, убили на войне, она бы оплакивала его и хранила верность до гроба. Или пусть бы он был знаменитым покорителем горных вершин – отважным альпинистом – и сорвался бы со скалы, разбился насмерть... она бы продолжала его любить и ни на кого другого даже бы не взглянула. Такие сентиментально-слезливые девические бредни занимали ее ум и воображение. В сущности, она мечтала о герое, достойном сильного чувства, безусловной преданности, – не важно, жив он или мертв. Напророчила, накликала! Судьба преподнесла сюрприз, который превзошел все ее выдумки. Слишком красочные фантазии опасны тем, что... они могут осуществиться.

Встреча с Велидаром стала одновременно и разлукой – они расстались, не успев ни разу поцеловаться, прильнуть друг к другу, содрогнуться от страсти. Он не раскрыл ей свою тайну, рассказал ей так мало...

Она принялась восполнять пустоту, погружившись в чтение книг. Где еще она могла почерпнуть те знания, которые приблизили бы ее к пониманию случившегося? По мельчайшим деталям, по крохам она собирала повсюду, из самых разных источников то, что, по ее мнению, объясняло слова Велидара. Пыталась построить из сотен призрачных кирпичи-

чиков его зачарованный мир. Проникнуть в его мысли, понять его душу...

Больше всего ее волновал вопрос: если он умел заглядывать в будущее, то почему ничего не сделал, чтобы спасти свою жизнь? Может быть, истина состоит в том, что никого ни от чего нельзя уберечь – в том числе себя? Это как фильм. Сколько раз ни смотри, твой любимый герой в конце умирает – хочешь ты того или нет. Нельзя предотвратить гибель Помпей, катастрофу «Титаника», дуэль Пушкина. Даже если знаешь наперед, что и как, – невозможно остановить извержение вулкана, задержать в пути айсберг или отвести пулю Дантеса. Все безнадежно. Можно ли с этим смириться?

Она искала, но не получала ответа, который удовлетворил бы ее. Она искала ответа у древних – вдруг, им было известно что-то такое про жизнь, от чего современный человек далек. Иногда ей казалось, разгадка близка... Однако эта близость была обманчива, как отражение на воде. Протяни руку – и только намочишь пальцы.

Она задавала этот вопрос самому Велидару – в воображении, – а он неизменно отворачивался, молча уходил прочь. Догадывайся, мол, сама! Ищи истину в себе. В других местах ее не бывает.

Невольно, она многому у него училась – он на многое открывал ей глаза. Можно сказать, она пристрастилась к чтению, благодаря ему.

Оказывается, полюбить мертвого – вполне реально. Не

она первая, не она последняя. Ее поразили стихи средневекового японского поэта Рубоко Шо. Он испытывал мистическую страсть к изысканной куртизанке, которая тоже писала стихи. Спустя сто лет после ее смерти! Ее звали Оно-но Комати. Он провел с ней 99 ночей любви и запечатлел их в 99 танка.

«Снова по бедрам
Взбегаю губами
Стан твой лаская
В трепете быстрых крыл
Ласточка промелькнет».

В любви столько непостижимого. Сплошная непостижимость.

Глубочайшее внутренне перерождение свершалось в ней незаметно для окружающих. Только она сама ощущала и видела, как из обычной девчонки превращается в удивительную женщину, не похожую на себя прежнюю. Как не похоже семечко на таящееся в нем дерево.

Эту новую себя она берегла для Велидара, для него одного...

Во всем остальном она жила тем, ради чего приехала в Москву. Впрочем, не совсем. В ее жизни поселилось *ожидание*...

К полуночи завсегдатаи клуба «Спичка» только начинают съезжаться. Полукруглый зал поделен на зоны: кто-то любит уединение, кто-то – шумную компанию. То же и со светом – ярко иллюминирована только часть зала, остальное пространство погружено в темноту. Но эстрада видна отовсюду. Напитки здесь подают отменные – два бармена состязаются в искусстве смешивать коктейли и славятся фирменными рецептами.

Менеджер клуба – расторопный элегантный парень – по-свойски приветствовал Калганова.

– Привез своих девчонок?

– Они будут только петь. Никакого стриптиза, никаких приставаний.

– Обижаешь. Стриптизерши у нас штатные, публика приличная. Может, кто из посетителей глаз и положит на *русалочек*, но все в рамках клубного этикета. Охрана у нас вышколенная, так что никаких эксцессов.

– Надеюсь, – буркнул продюсер.

– Ты останешься?

– Нет, надо дома хотя бы иногда ночевать, а то жена выгонит.

Менеджер понимающе усмехнулся.

– С женой ссориться – последнее дело. Не волнуйся, я

прослежу, чтобы девочки отработали и отбыли в целости и сохранности.

Калганов обратил внимание на взгляд, которым менеджер проводил девушек. Они хоть и родом из захолустья, но все, как на подбор, – тонкие, грудастые, длинноногие, пригожие. Две платиновые блондинки – Лея и Мио; две жгучие брюнетки – Бэла и Чара. Огненно-рыжая Юна, к сожалению, отсутствует, но общую картину это не портит.

Рома подумывал, чтобы в будущем создать запасной состав, – дублеров. Тогда любых неувязок можно будет избежать.

– Теперь ты за них отвечаешь, – сказал он менеджеру.

Тот с готовностью кивнул. Ему не впервой встречать и провожать артистов, все отлажено, притерто до мелочей. Обслуга прошла суровый отбор, каждый знает свои обязанности.

Он проводил Калганова и вернулся в комнату для персонала, спросил у помощника:

– Вишняков уже здесь?

– В зале...

– Через четверть часа начинаем. Я – к девушкам, а ты позаботься, чтобы наш клиент остался доволен. Если ему в клубе понравится, ты премию получишь. Он денег не считает, и наша задача – обеспечить максимум комфорта и сделать его траты приятными. Пусть его душа радуется, а кошелек худеет.

Помощник выскочил в коридор, как ошпаренный, кинулся в зал, угождать важной персоне.

Егор Вишняков приехал в клуб три дня назад, зашел в кабинет администратора и изложил свою просьбу.

– Хочу провести время в обществе прелестных «Русалок». Слышал, ваш клуб приглашает для выступлений молодых талантливых артистов. Можно ангажировать эту женскую группу на всю ночь?

– Разумеется, но... у девушек есть продюсер. Он заломит такую цену, что «Спичка» останется внакладе.

– Я заплачу. Сумма гонорара будет намного превышать амбиции этого...

Господин Вишняков щелкнул в воздухе пальцами.

– Калганова, – услужливо подсказал менеджер. – Фамилия их продюсера – Калганов. Мы немного знакомы.

«Нельзя упустить такой шанс, – подумал он. – У клиента, по-видимому, есть личный интерес, при том нешуточный. Вряд ли Вишняков станет экономить в подобном случае. Он вообще слывет транжирой».

– Сколько времени вам потребуется на переговоры?

– Полагаю, пару дней, – сглотнув, ответил менеджер.

– Хорошо.

Клиент положил на стол конверт с деньгами.

– Первый взнос, – улыбнулся он. – Вы постарайтесь, и я в долгу не останусь.

– Сколько... причитается клубу?

– Половина того, что в конверте. Впредь будет так же.

Потом, после его ухода помощник менеджера вышел из-за перегородки и выразительно закатил глаза.

– Небось, *запал* на одну из красоток, – фамильярно предположил он. – Решил приударить. Как будто случайно заглянул на огонек... а тут такие девушки поют про любовь! Сердце ведь и у богатых не камень.

Менеджер его одернул:

– Нас это не касается. Особенно тебя! Давай, звони Калганову... Ладно, я сам. Только и умеете, что подслушивать.

– Стены-то картонные... – обиженно протянул парень. – Что же мне, уши затыкать?

Долго уговаривать Калганова не пришлось. Тот назвал цену, менеджер не торговался. И вот «концерт по заявке» должен начаться с минуты на минуту.

Отчего-то на сердце у менеджера стало беспокойно. Он отправился к раздевалке, отведенной для артистов, деликатно постучал в дверь.

– Еще минутку! – донесся до него девичий голос.

– Не торопитесь. Я проверю, все ли в порядке со звуком.

«Куклы, – беззлобно подумал он. – В клубе, и то под фанеру поют. Впрочем, Вишнякову явно наплевать на их вокальные данные. У него другое на уме».

Наконец, все приготовления завершились, и «Русалки» появились на сцене – под жидкие аплодисменты зрителей. Они «исполнили» несколько тривиальных песенок на тему

неразделенной любви. Завсегдатаи приняли их прохладно. Один только Вишняков встал и громко крикнул «Браво!». На него оглядывались.

«Интересно, какая ему нравится? Блондинка или брюнетка? – гадал менеджер, невольно раздражаясь. – Что он в них нашел? Крашенные, искусственные, фальшивые до мозга костей. Не поймешь, чего в них больше, глупости или наглости? Обнажились, как на пляже... и скачут. Таких, с позволения сказать, певичек нынче пруд пруди!»

Он не хотел признавать, что злится из-за кажущейся доступности девушек, которые на самом деле ему не по зубам и не по карману. Сколько ни пялся, – ничего не обломится.

«Русалки» между тем пустились в пляс под быстрый, зажигательный ритм – разогревали публику. Молодежь лениво пританцовывала. Вишняков не сводил с артисток глаз. В перерыве между песнями ему принесли охапку роз, и он бросил цветы под ноги блондинке с розовым шлейфом в блестящих и стразах, изображающим русалочий хвост.

– Это их солистка! – возбужденным шепотом сообщил менеджеру помощник. – Лея! Смотри, какая у нее грудь...

Тот неожиданно взорвался.

– Чего ты путаешься у меня под ногами? Иди, займись делом!

«Русалки» удалились на отдых – привести себя в порядок, выпить воды. Солистка собирала розы, Вишняков кинулся ей помогать.

«Недолюбливают девицы свою приму, – отметил менеджер. – По тому, как они раскланялись и ушли, даже не взглянув на цветы, нетрудно понять, что не все гладко в их отношениях. Завидуют, ропщут, – но втихаря. Возможно, Лея спит с Калгановым. Тогда Вишнякову придется отбить ее. Или выкупить...»

Тем временем прелестная розовая *русалочка* упорхнула с роскошным букетом, а Вишняков вернулся на свое место за столиком. Нашел глазами менеджера и подозвал его.

– Пригласи девушку сюда, я хочу ее угостить. Вели подать шампанского, фруктов. Икра у вас есть?

– И черная, и красная.

– Черную несите, и побольше. Она любит икру?

– Не знаю, – пожал плечами менеджер.

– Ладно, несите, разберемся.

Господин Вишняков с довольным видом откинулся на спинку мягкого стула.

– Лучше после выступления, – робко возразил менеджер. – Будет вторая часть.

– Пусть сделают перерыв!

Он произнес это тоном, не терпящим возражений.

Менеджер привык к подобному обращению. Чем больше у человека денег, тем труднее ему сохранять видимость вежливости. Он уже не просит – повелевает.

Вишняков сделал состояние, играя на фондовой бирже. Ему везло, или природа наградила его необыкновенным чу-

тъем, — но он рисковал и неизменно выигрывал. Поговаривали, что у него темное прошлое. Он был хорош собой, высокомерен, ненавидел репортеров, имел узкий круг друзей. Любил приударить за актрисами или начинающими певичками. Предлагал спонсорскую поддержку, заманивал пташку в крепкие сети и... Об остальном можно было только догадываться. Через его руки прошло не одно молодое дарование женского пола.

Менеджер приказал помощнику накрыть для девушек отдельный угловой столик в затемненной стороне зала — за счет заведения. А сам постучался в дверь комнаты, где «Русалки» отдыхали и переодевались.

— У нас еще полчаса, — донеслось оттуда.

— Лея! Вы можете выйти? — повысил он голос. — У меня к вам дело.

Девицы явно догадывались, зачем он вызывает солистку.

— После выступления, — отрывисто произнес кто-то из них. Возможно, Лея.

Менеджер не мог вернуться к Вишнякову ни с чем. Это было немыслимо.

— На одну минуту! — зывал он. — У нас в клубе принято в перерывах между выходом на сцену... общаться с публикой. Мы накрыли для вас столик... все лучшее от шеф-повара. Вас не будут беспокоить. Разве что автограф кто-нибудь попросит или сфотографироваться. От вас не убудет.

За дверью слышались приглушенные голоса, какая-то

возня. Девушки спорили, идти или нет. Победил молодой здоровый аппетит.

Первой вышла в коридор Лея – менеджер узнал ее по красному сарафану, по рубашке с длинными, до полу, рукавами, по массивным серебряным браслетам на запястьях. Остальные девушки были одеты и бледнее, и скромнее.

– Мы так и пойдем, – с вызовом сказала она, неприязненно глядя на менеджера.

Тот радостно закивал, взял ее под локоток. От Леи пахло какими-то странными духами: травяной горечью, шиповником. У него закружилась голова.

– С вами желает познакомиться наш постоянный клиент, – слегка приврал он. – Егор Вишняков.

Лея поморщилась – она была наслышана об этом господине. Вот они, плоды популярности. С другой стороны, отказать неудобно. Клуб «Спичка» не поскупился на гонорар за выступление пока далеко не *звездной* группы. Если отказать их клиенту, следующего раза может не быть.

Лея спиной чувствовала взгляды подруг – любая из них с восторгом займет ее место. У них на лбу написан вопрос: «Чем она лучше нас?» Надо соглашаться...

– Не вижу ничего предосудительного в том, что вы познакомитесь с господином Вишняковым, – бубнил менеджер. – Он весьма импозантный, щедрый мужчина. Ничего лишнего себе не позволит, я гарантирую.

Вишняков встал, увидев входящую в зал Лею, поспешил

навстречу.

– Я очарован вашим талантом, – неожиданно смутился он. – Околдован вашим дивным голосом...

«Что он несет? – губы менеджера самопроизвольно разъезжались в саркастической ухмылке. – Какой голос? Сейчас техника из вороны соловья сделает!»

Он вспомнил, что вторая часть программы будет в живом звуке. Вероятно, Вишняков раньше имел возможность слышать Лею...

Глава 5

Катя ходила кругами, заглядывая в спальню. Астри слишком долго сидит у зеркала. Видно, любит своего жениха, раз так тщательно прихорашивается. Раньше она и десяти минут на макияж не тратила. Расчешет волосы, мазнет по губам помадой – и готово.

– Почему ты ничего себе не покупаешь? – изумлялась гостья из Богучан.

Астри добродушно улыбалась.

– У меня все есть, – объясняла она. – Одежда не должна бросаться в глаза.

– Это еще почему? Наоборот...

– Профессия обязывает.

– Так ты ж не работаешь.

– Временно. Вообще-то я занимаюсь... кое-чем...

Глаза Кати, и без того круглые, превратились в два блюдца. Она взмахнула руками, словно собиралась взлететь.

– Чем же *таким* ты можешь заниматься? – недоверчиво прищурилась она. Неизвестно, что пришло ей в голову, но Катя себе не поверила. – Да ладно, разводишь меня. Думаешь, раз я в медвежьем углу родилась, то совсем дура? У меня, между прочим, природная смекалка!

Она не хотела показаться простофилей, поэтому молча засопела и отправилась на кухню, жарить блинчики. Они у нее получались тонкие, ровные и просто таяли во рту.

– Иди обедать, – спустя сорок минут позвала она. – Пока блины горячие. Нельзя же на голодный желудок по музеям ходить. Слуша-ай, сколько можно ждать?

Не получив ответа, Катя заглянула в спальню.

– Чего ты там высматриваешь, в зеркале?

– Гадаю, придет или не придет. Это не простое зеркало, оно из венецианского стекла. Видишь, амальгама золотистая?

– Покажи! Ух, ты! Какая рама! Неужели позолоченная? Где ты его взяла?

– Вынесла из горящего дома.

Астра сказала чистую правду. Это *зеркало* с выбитым на обратной стороне именем ALRUNA принадлежало баронессе Гримм¹, у которой она работала компаньонкой. Во время пожара ей чудом удалось спастись. Когда дом загорелся, баронесса была мертва... и Астра взяла из ее вещей только «венецианское» зеркало.

– Врешь, – опять не поверила Катя. – Все ты придумываешь. Артистка! Не зря ты в театральном училась.

В доме баронессы был тайник – как раз в той самой комнате, где поселилась Астра. Она обнаружила в тайнике сухой корешок, завернутый в алую тряпицу, и флэшку. Корешок имел вид человеческой фигуры. Астра решила, что нашла мандрагорового человечка *Альрауна* – магического помощника, который оберегает своего хозяина и повсюду следует за ним.

Альрауна она Кате показывать не рискнула. Сестра и так считает ее немного чокнутой. В чем-то она, наверное, права.

– Ой! Блины небось остыли совсем! – спохватилась Катя.

Она смирилась с посещением Третьяковки. Если туда с ними пойдет Матвей, жених Астры, она готова вытерпеть скучное блуждание по залам с картинами. А вечером он пригласил их в ресторан...

¹ Читайте об этом в романе Натальи Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Кира сидела в салоне красоты, ждала, пока истечет время, положенное для окраски волос – она в очередной раз осветлила свою шевелюру. За окном шел снег, небо, улица и дома были белыми.

В углу салона уже стояла искусственная елка в бегающих огоньках. Здесь начали готовиться к Новому году: развесили блестящую мишуру, расставили стеклянные кубы, наполненные золотыми шарами, – в духе современного дизайна.

– Пора смывать, – сказала девушка-парикмахер.

И Кира опустила голову на черную мойку, удобно устроившись в специальном кресле. Зашумела вода, запах краски смешивался с запахом шампуня. Кира закрыла глаза.

– Теперь нанесем бальзам...

Руки мастера порхали вокруг ее головы – вытирали, расчесывали, сушили, укладывали. Шумел фен, из динамиков доносились простенькие мелодии песен о любви. А есть ли эта любовь? Или люди создали ее, выдумали чудесную игрушку – от безысходности, от тоски? Чтобы было о чем мечтать, слагать стихи, петь... Чтобы впереди, в туманном будущем проступал мираж счастья.

Когда Кира посмотрела в зеркало, она осталась довольна. Светлые шелковистые волосы обрамляли лицо с нежными скулами, с удлинненными глазами, с изломанной линией

бровей. Такую форму природно-густым бровям Киры придал визажист, он же научил правильно пользоваться декоративной косметикой: выделять достоинства черт и сглаживать недостатки.

– Только легкая неправильность делает лицо живым и прелестным. Нет безукоризненных линий, есть их гармоничное сочетание.

Кира Сарычева с детства ненавидела свое имя и свою внешность, а более того – свою жизнь. Жалкое прозябание в богом забытом поселке с названием Сухая Балка не сулило ей ничего, кроме постылой работы, несчастливого замужества и горьких слез. Полная безнадёга. Пожалуй, она тоже сопьется, как ее мать, в молодости – первая певунья, плясунья и красавица. К матери сватались лучшие парни, а вышла она за матроса с буксира «Вольный», бесшабашного забияку с кудрявым чубом и масляными глазами. Он играл на гармошке, всегда был навеселе, скалил белые зубы и целовался, как черт. Бабы сохли по нему, а он выбрал Маньку – за ее звонкий голос, за тонкий стан и пышную грудь, за точеные ножки, за ямочки на румяных щеках.

Кира невзлюбила своего отца – его волосатые руки с толстыми пальцами, вытатуированными якорями и въевшейся в поры грязию; его потные тельняшки, гнилое дыхание и пьяную забористую ругань. Он бил жену, к дочери обращался не иначе, как шалава, а все деньги тратил на водку. С утра лица отца и матери, опухшие, синие, напоминали Кире каких-то

упырей из фильмов-сказок.

Вместо завтрака ее посылали собирать бутылки или покупать пиво «на опохмелку». Когда подросла и пошла подрабатывать посудомойкой в буфет, начали тянуть из нее деньги.

– Сколько вы будете мою кровь пить? – однажды возмутилась она.

На что отец обложил ее матом и пригрозил «выдрать как сидорову козу». Кира не испугалась, ей стало противно до тошноты.

Единственным способом уйти из родительского дома в Сухой Балке было замужество. Однако пример матери отбил у Киры охоту идти этим тернистым путем. Уж лучше одной вековать.

Судя по старым фотографиям, лицом и фигурой она уродилась в мамашу, ростом – в отца. Ее нелюбовь к ним Кира перенесла на нелюбовь к себе. Ей и в голову не приходило, что она далеко не дурнушка. Но желание вырваться из тягостного существования, похожего на стоячее болото, заставляло ее предпринимать попытки вынырнуть и глотнуть свежего воздуха. Несколько раз Кира ездила в Кострому, искала, кто бы взял ее на работу без образования. Как водится, предлагали распространять пищевые добавки и прочие товары, клеить объявления или разносить рекламу. Деньги мизерные, перспективы никакой. Просилась куда-нибудь секретаршей – безрезультатно. О дальнейшей учебе она и не думала – в школе едва тянула. Тройки ставили за участие в

художественной самодеятельности. Их вокальный ансамбль «Орешек» даже брал на фестивалях и конкурсах призы. Карьера певицы представлялась Кире заоблачной вершиной, о которой она и не помышляла. Слух у нее был хороший, голосок так себе, а в музыкальной грамоте она ничего не смыслила. На выпускном вечере «Орешек» исполнил свою последнюю песню... о чем Кира не жалела. Страсти к вокалу она в себе не обнаружила – так, нравилось покрасоваться на сцене, повыпендриваться перед непритязательной публикой.

Она регулярно покупала газеты и обводила фломастером объявления из раздела «Требуются на работу...», которые обещали легальное трудоустройство в Костроме. Отказы уже перестали ее разочаровывать.

Однажды Кира случайно прочитала объявление о *кастинге* для съемок рекламного ролика. Сердце екнуло – а что, если это шанс «себя показать и на других посмотреть»? Хоть увидит, какой надо быть, чтобы ее взяли сниматься.

В коридоре перед заветной дверью с табличкой: «Тихо! Идут пробы» – толпилась добрая сотня девушек. Кира ловила их пренебрежительные взгляды, чувствовала себя неуютно. Чего она сюда приперлась? Какой *кастинг*? С ее внешним видом только веником и шваброй орудовать.

Из комнаты вышел парень лет двадцати пяти, встал у окна, распахнул створку и закурил. Он откровенно присматривался к кандидаткам на съемки, отворачивался, выпуская дым на улицу, и снова искал кого-то глазами. Кира неволь-

но втянула голову в плечи, спряталась за спины других девушек. Но парень успел ее заметить и не отпускал, прямо-таки сверлил взглядом. Она готова была сквозь землю провалиться. Сейчас он при всех окликнет ее, выругает, опозорит и выгонит.

Парень выбросил в окно сигарету и поманил ее пальцем. Слава богу, он хочет отчитать ее по-тихому, не прилюдно. На подгибающихся от волнения ногах, Кира приблизилась.

– Я только посмотреть хотела... – пролепетала она. – Мне интересно... Я...

– Выйдем, поговорим, – повел он головой в сторону лестницы.

– Вы меня извините, я из Сухой Балки приехала, ничего не знаю...

Он молча пробирался через толпу девушек, Кира старалась не отставать. У нее мелькнула мысль юркнуть куда-нибудь и сбежать, но она ее отбросила. Поймают, хуже будет.

Парень спустился по ступенькам на один пролет. Она послушно следовала за ним. Он резко остановился, так, что Кира едва не налетела на него.

– Ой!

– Дай-ка глянуть... – он бесцеремонно взял ее за подбородок и повернул к себе. – Да стой ты, не брыкайся. Не съем.

Кира замерла. Сердце бухало в висках и пятках.

– Ничего, пойдет, – одобрительно кивнул парень. – А ну вот так... Отлично! И откуда ты взялась такая?

– Из Сухой Балки...

– Отлично! – повторил парень. – Из Сухой Балки – это то, что надо. Родители есть?

– Ага, пьющие, – простодушно призналась она.

– Хорошо, – опять одобрил он.

Кира так не считала.

– Что ж хорошего? Алкаши оба, горькие пропойцы. Все из дому тащат...

– И тебе такая жизнь надоела...

– Еще как надоела! Я хочу уехать от них, далеко, работу хорошую найти.

– Правильно мыслишь, – похвалил парень. – Значит, ты на *кастинг* пришла? Сниматься решила? И какие у тебя таланты имеются?

Кира неожиданно осмелела.

– Я петь могу, танцую неплохо. Это у меня от матери. Отец на гармошке играет. У меня слух есть.

– Слух! – засмеялся парень. – Вижу, бог тебя не обидел. Ты, наверное, послушной девочкой росла? И вот награда – беру тебя в свое шоу. Без всякого *кастинга*. У меня глаз верный.

Кира поперхнулась, закашлялась, мучительно краснея под его взглядом.

– Ну как, согласна?

У нее от такого предложения дар речи пропал. «А вдруг он девчонок вербует на панель? – метнулось в ее уме. – Пас-

порт отберет и будет держать взаперти, как собаку».

– Я... не проститутка...

– Да что ты? – удивился он. – Правда? Спасибо за предложение. У меня, кстати, не публичный дом, а музыкальное шоу. Я вообще-то принял тебя за будущую артистку – звезду эстрады.

Она открыла рот, так и застыла.

– Как зовут тебя?

– Кира...

– Имя колючее, грубое... Мы его поменяем, – как будто она уже дала согласие, рассуждал парень. – Волосы, к счастью, длинные – не надо будет отрачивать. Фигурку в порядок приведем, мордашку подчистим, подкрасим. Двигаться научим, у нас хореограф – зверь, три шкуры дерет с таких, как ты. Уроки вокала будешь брать...

У Киры все поплыло перед глазами. Неужто она спит и видит волшебный сон?

– Ну нам здесь больше делать нечего, – сказал парень. – Паспорт у тебя с собой?

– Ага...

– Тогда пошли.

Так Кира оказалась зачисленной в непонятный коллектив, где девушки и юноши обучались танцам, пению и правилам хорошего тона. Деньги ей платили смешные, но зато занимались всерьез и жилье предоставили бесплатное. Тесное, убогое, но она и такому была рада. Изредка на тренировку или

«репетицию», как выражался их молодой продюсер, приходили женщины или мужчины – выбирали какую-нибудь девушку или парня и забирали с собой.

– Наш коллектив – кузница кадров для столичного шоу-бизнеса, – однажды проговорился продюсер. – Ох, чует мое сердце, ждет тебя, красавица, большая сцена!

Кира уже перестала в это верить, когда на «репетицию» заглянул респектабельный господин, которому она сразу приглянулась. Он показал пальцем в ее сторону.

– Эту я забираю...

Они с продюсером долго шушукались в углу. Наконец достигли компромисса.

– Иди сюда, – подозвал ее господин. – Поедешь в Москву. Будешь петь в моей группе. Я – Роман Калганов. Слышала? Все стремительно изменилось в жизни Киры. Даже имя.

Глава 6

Матвею нравилась кухня ресторана «Вена», и он решил побаловать молодых женщин австрийскими блюдами.

– Закажем белое вино этого года. Молодое, в Австрии его называют хойригер. Вы не против?

Катя сказала «да!» с видом знатока молодых вин. Она исподтишка рассматривала деревянные панели отделки зала, лепной потолок, люстру с хрустальными подвесками. Каждый столик украшали свечи в стеклянных подставках и низ-

кие букетики живых цветов.

Из горячих блюд Матвей предложил женщинам на выбор жареного цыпленка с картофельным салатом или венское жаркое из фарша.

– Мне цыпленка, – сказала Катя.

Матвей уговорил Астру попробовать жаркое.

– У них бесподобный повар. Знает секрет!

Катя, изучив убранство зала, переключилась на жениха сестры. «Красивый, – думала она. – Астре не мешало бы похудеть. Такого мужчинку вмиг отобьют. Вон, девицы за соседним столиком так и зыркают!»

Матвей привлекал внимание. Высок, строен, широкоплеч, пластичен. Просто неотразим. Темные волосы и светлые глаза – убийственное сочетание.

Молодое вино слегка ударило в голову. Астра улыбнулась, вспоминая хождение по картинной галерее. Третьяковка погрузила Катю в транс. Если бы не Матвей, который забавлял ее своими комментариями, Катя превратилась бы в сомнамбулу. Зато в ресторане она оживилась – смотрит по сторонам, с удовольствием слушает его болтовню. Ну и славно...

После дела о *Кинжале Зигфрида* в жизни Астры наступило затишье. Нет сомнений, что оно на исходе. Приближается новое расследование – его приметы Астра увидела в *зеркале*. В золотистом тумане на мгновение возникли очертания новогодней елки, Деда Мороза и Снегурочки.

Она поделилась догадками с Матвеем.

– Конечно, дорогая, – рассмеялся он. – В конце декабря, если ты помнишь, люди обычно празднуют Новый год.

Официант принес жаркое и цыпленка на подогретых тарелках, и все занялись едой.

– Когда-то я сама, будучи компаньонкой баронессы Гримм, готовила для нее шницели и пасту, – вспомнила Аст-ра. – Кстати, получалось очень неплохо. А вечерами мы сидели у камина, смотрели на догорающие поленья...

Она умолчала о том, как уходила к себе и раз за разом просматривала флэшку со странным содержанием, найденную в тайнике.

Эти отрывочные, как будто не связанные по смыслу эпизоды она считала пророчествами, которые оставил мертвый убийца. *Красивая змея, извиваясь, ползет по стволу могучего дерева... охотники за диким кабаном, которых поглощает густой туман... мрачные своды замка и булькающий над старинным очагом котелок... бронзовая русалка с чешуйчатым хвостом, сидящая посреди водоема... венецианский карнавал... любовники в масках... отрубленная голова на золотом блюде... старинная усадьба... сожжение соломенного чучела... звездная россыпь на ночном небе... статуя Афродиты в венке... корова, жующая траву... виселица с повешенным... туристы, бросающие монетки в фонтан...*

Кое-что уже исполнилось, остальное ждет своего часа.

– О чем задумалась? – дотронулся до ее руки Матвей.

К их столику подошел метрдотель, принес бутылку вина

и блюдо с шоколадными пирожными.

– Это госпоже Ельцовой от господина Вишнякова, – поклонился он. – Вот его визитка.

Вишняков... эту фамилию она уже слышала. На визитке – его телефоны и надпись от руки: «Можете уделить мне полчаса? Очень нужно поговорить».

В зале половина столиков не были заняты. Позже посетителей прибавится, а сейчас вся публика на виду. Импозантный мужчина лет сорока приподнялся и сделал приветственный жест. Астра попыталась вспомнить, знакомы они или нет.

– Ой, пирожные! – обрадовалась Катя. Она быстро расправилась с цыпленком и подумывала, как бы деликатно намекнуть на десерт. – А где же кофе?

Матвей заказал себе со сливками, дамам черный «мокко».

– Здесь уйма калорий, – пробормотала Катя, уписывая пирожные. – В жизни не ела ничего вкуснее.

Официант принес кофе, воду в стаканах и сахар.

– Вода-то зачем? – недоумевала Катя.

– Господин Вишняков просит вас за свой столик, – склонившись к Астре, сказал официант. – Что ему передать?

– Я подумаю.

– Извините...

Официант отошел, а Матвей укоризненно покачал головой.

– Надеюсь, ты не собираешься потратить вечер на этого Вишнякова?

– Может быть, это потенциальный клиент. Я только узнаю, что ему нужно. Наверное, нас где-то познакомили – на каком-нибудь фуршете или банкете. Давно. – Астра встала. – Я ненадолго.

Матвей со смешанным чувством досады и восхищения смотрел, как непринужденно она идет через зал, какая у нее исполненная достоинства походка.

– Простите, не припомню, где мы встречались, Егор Николаевич, – светским тоном произнесла Астра, опускаясь на стул, который пододвинул ей господин Вишняков.

– На какой-нибудь невыносимо скучной вечеринке или презентации. Какая разница, несравненная Астра Юрьевна? Ваш отец – президент компании «Юстина», не так ли? Я не раз прибегал к его услугам, а теперь вот решил обратиться к вам. Хорошо, что мы оба сегодня ужинаем в «Вене». Это удача. Я верю в судьбу.

– Но я не имею отношения к компании.

Вишняков выглядел уставшим и встревоженным. Одет он был с иголки, и светлый галстук освежал его лицо.

– Речь пойдет не о страховых полисах, Астра Юрьевна...

– Можно просто Астра.

– Хорошо. У меня к вам не совсем обычное дело. Одна особа рекомендовала вас, как... – он запнулся. – Вы обладаете экстрасенсорными способностями? Можете видеть жив человек или мертв, где он находится, что у него на уме?

– Я не умею читать мысли, если вы об этом. И я не пред-

сказательница.

– Вы помогаете людям в очень щекотливом положении, когда они... не надеются разрешить ситуацию другим способом. Я имею в виду сложные случаи... личного порядка.

– Лучше расскажите, что с вами стряслось, – располагающе улыбнулась Астра.

– Сначала я должен знать, возьметесь вы распутать этот клубок или нет? Я не могу довериться вам, пока вы не дадите согласия.

Господин Вишняков не привык быть в роли просителя и ощущал крайнюю неловкость. Астра не казалась ему надежным человеком, способным разобраться в проблеме. Однако более подходящей кандидатуры не было. Вишняков не мог пойти с этим в детективное агентство – он не хотел попасть в смешное положение. Астра все-таки относилась к близкому ему кругу, и ее не интересовали деньги в той степени, когда люди пускаются во все тяжкие ради лишней тысячи долларов. Кроме того, ей легче будет понять его...

Разумеется, он ей заплатит. Он всегда щепетилен в расчетах. Эта молодая женщина не обязана ломать голову над чужими загадками.

– Мне говорили, у вас *особый метод*, – понизив голос, произнес Вишняков. – Вы прибегаете к подсознанию и задействуете неизведанные резервы психики.

– Давайте без научных терминов.

– Так вы беретесь?

Астра вспомнила скептическое выражение на лице Матвея. Что он теперь скажет?

– Пожалуй... да.

* * *

Костромская область. Деревня Сатино

Бригадир плиточников нервничал – хозяин подгоняет, хочет за неделю до Нового года покончить с ремонтом.

– Успеем? – спрашивал он в каждый свой приезд.

– Постараемся...

Строители старались, но на сроки влияли разные факторы: дорога, которая вела к дому, оставляла желать лучшего, с доставкой материалов возникали задержки, электричество частенько отключали. Глубинка, какие тут порядки? Зима и вовсе внесла свои коррективы. Снег выпал, на провода налип – неделю света нет. Мороз ударил, отопление из строя вышло – приходится печки топить. Газ сюда не дотянули, а котлы на электричестве. То одного не хватает, то другого. Мастер себе руку повредил, его работу выполнять некому. Бегай, ищи – и ведь не какого попало плиточника, а хорошего специалиста.

Такая же картина наблюдалась у паркетчиков, сантехников, столяров – у всех.

Прораб сперва наложил табу на спиртное, потом сам же отменил. Стресс как-то снимать надо?

Господин Борецкий – человек богатый, но со странностями. Зачем-то дом этот ветхий приобрел, решил придать ему прежний вид, чуть ли не отреставрировать. Кто ж помнит, какая тут была внутренняя отделка? Легче новое здание построить, чем старое латать.

– Нынче каждый барином желает быть, – ворчал прораб. – Им уже мало трехэтажный коттедж отгрохать, им помещичий дом подавай, усадьбу, имение. Слава богу, хоть не царский дворец! Выкупят развалюху с парком, который больше похож на лес, и пытаются в нем *Версаль* устроить. Думают, что так они из бандитов аристократами станут. Только ведь *голубую кровь* в жилы не зальешь – она от рождения дается.

– Чтобы к концу декабря здание было пригодно для проживания! – потребовал Борецкий. – Иначе заплачу вдвое меньше обещанного.

Работяги приуныли, однако делать нечего. Торопились, как могли. «Успеваем? – прикидывал прораб. – Почти. Если плиточники не подведут, есть шанс встретить Рождество с деньгами». Жена-полька обратила его в католическую веру, и теперь прораб в первую очередь заботился о религиозном празднике, а потом уже о светском.

«Куча недоделок не в счет, – рассуждал он. – Это потом можно наверстать. Главное, чтобы в доме были готовые комнаты, зал, кухня, работало отопление и санузлы. Старина

старинной, а комфорт должен быть на современном уровне. Борецкий справедлив, но строг – оплошности не спустит».

Положа руку на сердце, прораб возводил на хозяина напраслину. На бандита господин Борецкий не походил – вел себя пристойно, деньгами не сорил, но и не жадничал, до нецензурщины не опускался. Умел держать данное слово, без нужды людей не оскорблял. И место для «усадыбы» выбрал красивое – бывший помещичий дом с парком, с окрестными угодьями, правда, сильно запущенный. Сейчас мода пошла выкупать имения бывших князей да графов, отстраивать и воссоздавать *дворянский быт*.

Прораб невольно проникался настроениями людей, которые его нанимали. Те, для кого период накопления капитала окончился, хотели пожить в свое удовольствие. А кто, кроме помещиков, умел жить со вкусом? Вдали от придворных интриг, борьбы за место под солнцем, политики, на лоне природы, в тишине, в покое... в умиротворенной размеренности.

К дому вела дубовая аллея. Борецкий велел ее расчистить. Голые деревья стояли по пояс в снегу, в глубине парка стволы терялись в синей морозной дымке. Дышалось легко, хорошо. Деревня Сатино лежала чуть поодаль, за полями, на белом пологом холме, – деревянные домики казались игрушечными, как на рождественских открытках. Только дым из труб шел настоящий. Вечерами в окошках теплились огни.

Такого черного неба с крупными яркими звездами прора-

бу видеть не приходилось. Луна тоже была большая, ядреная, желтая, как золотое блюдо, – бередила душу. В ее свете все преображалось – и дом, и парк, и снег, и деревня вдалеке, – все становилось призрачным, ненастоящим. За стволами словно кто-то посмеивался, перешептывался, и по спине прохожего прокатывалась холодная дрожь.

Мороз пощипывал ноздри, и прораб спешил обратно, в тепло, в душный воздух флигеля, где жили строители. Там было накурено, светло, шумно – безопасно; пахло дровами и жареным луком.

– Что-то не так с этим местом, – однажды сказал прорабу мастер-печник. – Идешь, и будто тебе в спину глядит кто-то... Аж дыхание спирает.

Борецкий наряду с паровым отоплением приказал оставить печи, – поправить дымоходы, облицевать изразцами, – на всякий случай. Случаи не замедлили посыпаться: то ветер провода порвал, то обледенение, то еще какая-нибудь оказия.

– Автономный источник питания надо ставить, – советовал прораб. – Надежный, экономный. Все ведь на электрике – и насосы, и плита, и котлы.

– Да знаю я, знаю! – вздыхал хозяин. – Не все сразу. Зато он настоял, чтобы вычистили и углубили оба колодца – одного мало будет. Особенно если гости приедут.

Колодцы печника тоже пугали. Он был человеком суеверным, и страх его усугублялся ожиданием чего-то недоброго.

В один из вечеров, когда свистела метель, а обесточенный дом погрузился в кромешную тьму, печник отправился по воду. Прибежал он со двора с неприсущей ему прытью, зеленый от ужаса.

– Ведро-то пустое, – развеселились работяги. – Ты чё, дед, забыл, зачем тебя к колодцу послали? В чайник же налить нечего.

Печник с трясущимися губами дернул головой, бросил ведро и забился в свой угол. Пришлось по воду идти парню, который дежурил по кухне.

Это происшествие дошло до прораба, и он принялся расспрашивать деда, что да как. Тот и признайся – видел, мол, девушку у колодца: она стояла и волосы расчесывала. Сама золотистая и прозрачная, как лунный свет, а волосы – черные, смоляные.

– Какая луна? Какой свет? – рассвирепел прораб. – Темень стояла, хоть глаз выколи! Что ты за бредни придумываешь? Ты мне так всех рабочих переполошишь. Парень-то, что после тебя воды принес, никого у колодца не встретил. Может, ты выпил лишнего?

– Дак... я что? Я молчал... Вы сами ко мне пристали с расспросами... – обиделся печник. – А водку я не пью. Язва не позволяет.

Прораб потому так близко принял к сердцу эту историю, что ему самому черт знает какая чепуха мерещилась.

– Почему никто больше не жалуется? – злился он.

Печник только разводил руками. Скорее бы работу закончить и уехать домой. Он жил не в Сатине, а в соседней деревне, и печи ладить его всюду звали. Лучшего мастера было не сыскать.

Недоразумение быстро забылось, ремонт шел своим чередом. Но и время не стояло на месте. Приближалась середина декабря, а на холл не хватило плитки.

– Ты без ножа режешь, – отчитывал прораб бригадира плиточников. – Как ты считал? Как мерил? С понедельника начнут завозить мебель.

– Ну, ошиблись мы...

– Делай что хочешь. Сам поезжай за плиткой! Машину я тебе дам, но чтобы до понедельника все доделали!

Было сумрачно. Дул ветер. У крыльца за день намело сугробы. Только после обеда метель утихла. Прораб вышел распорядиться по поводу машины, и его взгляд невольно упал на колодец. Кто это там? Женский силуэт мелькнул и рассеялся во мгле... или просто обсыпался с веток накопившийся снег?

Глава 7

Москва

– Видите ли, со мной произошло весьма странное происшествие, – заговорил Вишняков. – Даже не знаю... с чего начать.

Астра бросила взгляд на оставшихся вдвоем за столиком Матвея и Катю. Сестра с наслаждением поглощала пирожные. «Жених» пил кофе. Он не оборачивался, но не было со-

мнений, что внимание его направлено на Астру, на ее беседу с респектабельным господином за бутылочкой хойригера.

Вишняков замолчал, и Астра не торопила его. Ему нужно время, чтобы преодолеть смущение, ведь обращаться за помощью к женщине – тем более, со щекотливой просьбой – для него в новинку.

– Этот ресторан – словно маленький уголок Вены посредине Москвы, – отвлеченно произнес он. – Вы бывали в Австрии?

– Один раз, с мамой, на кинофестивале. Она мечтала о карьере актрисы. Я тоже актриса по профессии, но, к сожалению, не по призванию. Так после учебы ни разу и не вышла на сцену.

Вишняков оценил ее откровенность.

– А мне приходилось бывать в Вене. Там царит культ *услуг*. Портье, официанты, таксисты, продавцы просто излучают вежливость. Я люблю маленькие уютные кафе и музыку. Штраус, Моцарт...

Он все не решался перейти к сути дела. Что-то его останавливало. Возможно, опасение быть не понятым.

– Доверьтесь мне, – сказала Астра. – Я умею выслушивать самые невероятные истории.

– Да, простите. Не буду отнимать у вас время понапрасну.

Вишнякову было невыносимо осознавать, что женщина проявляет сочувствие и пытается его успокоить. *Сильный* пол должен оправдывать свое название!

– Признаться, я несколько растерян... Ну да ладно. Начну издаleка... Вы что-нибудь слышали о поп-группе «Русалки»?

– Я не увлекаюсь подобной музыкой.

– Я тоже. То есть... – Он смешался. – Мне нравятся молодые девушки... ну, вы понимаете. Когда они поют и ритмично двигаются, в этом есть нечто завораживающее. Знаете, кто такие *сирены*? Морские нимфы или морские девы, которые своим чарующим пением заманивали моряков в гиблые места. У них – рыбы хвосты вместо ног и острые птичьи когти. Зато тела этих созданий блистают вечной молодостью и красотой, обещая неземные наслаждения. Может быть, образы *сирен* порождены скукой и воздержанием, одолевающими мужчин в длительных путешествиях через океан?

Астра улыбнулась.

– Не иначе! Одиссей, кажется, тоже страдал этой разновидностью «морской болезни». По крайней мере, проплывая мимо острова *сирен*, он приказал своим спутникам залепить уши мягким воском, а себя крепко привязать к мачте. *О, плыви к нам, великий Одиссей!* – нараспев продекламировала она. – *Чтобы насладиться нашим пением! Все знаем мы... что претерпели по воле богов под Тройей греки и что делается на земле...*

– Теперь я вижу в вас актрису. – Вишняков постепенно освобождался от сковывающего его напряжения. – Как бы там ни было, а русалки присутствуют в мифологии мно-

гих народов. Они... мм-м... необычайно популярны. Тому должна быть причина.

– Наверное, когда-то вы были моряком и влюбились в морскую деву, – пошутила Астра.

Вишняков воспринял ее слова с неожиданной серьезностью.

– А знаете... может быть. Я не думал об этом в таком ключе.

– Вы хотите, чтобы я избавила вас от пагубной страсти к русалкам? Или мне следует отвадить их?

Егор Николаевич рассмеялся. Они уже разговаривали как старые добрые приятели.

На маленький помост в углу зала, где стоял рояль, вышли музыканты – скрипач и пианист. Заиграли Штрауса. Публики в ресторане прибавилось.

– Вы меня развеселили. Конечно же нет. Все куда более запутанно... или прозаично. Посмотрите на ситуацию трезвым взглядом, не зачарованным голосами *сирен*. Мне нужен сторонний наблюдатель...

– Так изложите ситуацию. А то я теряюсь в догадках.

– В сущности, все как будто обыкновенно и даже... пошло, – скривился Вишняков. – Меня пригласили на одну частную вечеринку, где выступали «Русалки» – та группа, о которой я упоминал. Пять девушек, весьма не примечательных: рыжая, две беленьких и две черненьких. Пели, пританцовывали, потом исполнили что-то вроде фольклор-

ной сценки, в народных костюмах... Сам не пойму, что меня привлекло в их солистке. Девушка кружилась, размахивала длинными, чуть ли не до пят, рукавами под гудение дудок и битье в бубны. Языческая пляска! Глупо звучит, но я глаз не мог от нее отвести. Не знаю, как реагировали другие, мне было не до них. А меня она словно приковала к себе. Помните сказку про Царевну-лягушку? *Уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась – всем на диво! Махнула правой рукой – стали леса и воды; махнула левой – стали лететь разные птицы.* Верите? Я приехал домой, отыскал сказку и перечитал. Там у Лягушки, жены Ивана-Царевича, на пиру тоже длинные и широкие рукава были. Она в один рукав вино лила, в другой кости бросала...

– ...а жены старших царевичей ей подражали, – подхватила Астра. – Как не помнить? Потом они принялись руками махать, только эффект оказался не тот. Вместо озера и лебедей, которые должны были появиться на диво гостям, царю в глаз косточка попала. Он обиделся.

– Да-да... – Вишняков снова стал рассеянным и говорил бессвязно, думая о том, что его беспокоило. – Есть такое меткое народное словцо – *«присушила»*. Видимо, такое случается, даже в моем возрасте. Я... мне тридцать семь, успел дважды жениться и развестись. Жизненного опыта мне не занимать. И вдруг совершенно глупо попал под влияние молодой и распушенной женщины... Все эти провинциальные девушки охотятся за состоятельными мужьями. Ради них они при-

езжают в Москву, прыгают полуобнаженные по сцене... подписывают любые контракты с ловкими продюсерами и даже ложатся с ними в постель. Обязательно ложатся! – убежденно повторил он. – Как можно не понимать их мотивов, думал я. Легко рассуждать о других, когда тебя самого это не касается. А вот коснулось и... я про все забыл. Здравый смысл умолк, и заговорила дикая совершенно страсть, какое-то... безумное вожеление. Мгм-м...

Он прочистил горло, преодолевая неловкость.

– Вы не преувеличиваете?

– Нисколько. Я люблю женщин... всегда любил. Из-за чего оба моих брака распались: жены не нашли в себе сил терпеть мои похождения. Я скорее циник, чем лирик. Легко зарабатываю деньги, легко трачу, еще легче нахожу себе подруг и расстаюсь с ними, удовлетворив желание и утолив потребность в новизне, некоем романтическом начале. Романтика быстро выветривается, как только я вступаю в близость с женщиной и вижу, что она... мало отличается от всех остальных. Простите...

– Ничего, продолжайте, – улынулась Астра.

Он налил себе и ей вина в бокалы, выпил. Она сделала пару глотков. Вино имело кисловатый вкус зеленого винограда. Музыканты закончили одну пьесу и заиграли вальс.

– В общем, как вы уже догадались, я захотел познакомиться с этой девушкой, Леей, – заговорил Вишняков.

– Ее действительно так зовут, или?..

– Псевдоним, разумеется. «Русалки» все выступают под вымышленными именами. Чара, Бэла – довольно безвкусные прозвища, как и репертуар. Словом, я выбрал ночной клуб средней руки – приличный, но не из самых престижных, – и заказал шоу «Русалок». Менеджер клуба обо всем договорился... Лишние подробности я опущу, с вашего позволения. Все шло своим чередом. После первой части программы я пригласил солистку за мой столик. Ничего необычного в ней не было: стройная длинноволосая блондинка с пышной грудью, каких на эстраде навалом. Мы побеседовали... Умом девушка не блистала, я испытывал разочарование... и вместе с тем странное любовное томление. Не скрою, очень захотелось мм-м... переспать с ней и поскорее избавиться от наваждения. Я все думал, как бы поизящнее намекнуть даме... Не успел. Она вдруг встала и заявила, что пора готовиться к выступлению. Я не посмел удерживать...

– И что?

– Она ушла. Ее подруги ели за угловым столиком – кстати, в ту ночь их почему-то было не пятеро, а четверо. Точно! Трое сидели и закусывали, а солистка удалилась. Я посидел немного и последовал за ней. Комната для артистов находится в конце коридора. Я ни о чем не думал, просто шел, влекомый непреодолимым желанием. Не знаю, что я собирался делать, в голове образовалась м-мм... звенящая пустота. Вам знакомо это состояние, когда вы словно уже ощущаете оргазм... предвосхищаете его... в воображении? Впрочем,

воображение ли это? Какая-то сила начинает управлять вами против вашей воли, а вы... не оказываете сопротивления...

– Эрос! – выразительно произнесла Астра.

Вишняков очнулся, его туманный взгляд просветлел.

– Эрос?... М-да... вероятно...

Он замолчал, потянулся за вином. Бутылка опустела, и официант принес другую. Астра ждала, прикидывая, что же произошло там, в клубе, между этим мужчиной и солисткой «Русалок».

– Я толкнул дверь – она оказалась не заперта – и увидел в полумраке ее, Лею. Горел маленький зеленоватый светильник. Вероятно, я уже был пьян, потому что комната показалась мне... *подводным царством*.

Астра наклонила голову, скрывая улыбку. Она могла бы и не делать этого – Вишняков, окунувшись в прошлое, перестал замечать все вокруг.

– Я шагнул к ней – она не отстранилась, прильнула ко мне... ее руки тонули в руках. Она показалась мне красивой, со сладкими губами и горячим телом... совсем не той девушкой, которая пела и танцевала на сцене. Совсем не той... Я чувствовал ее огонь сквозь плотную ткань одежды. Мне даже не пришлось ничего говорить, ничего объяснять ей... В дверь внезапно постучали: громко, требовательно. Это были охранники клуба. Она оттолкнула меня и бросилась в сторону, к ширмам для переодевания. Охранники вели себя корректно, но непреклонно. «Извините, но наши

правила не позволяют посетителям заходить в комнату артистов, – заявили они. – Вы можете встретиться с девушкой за пределами клуба. А сейчас просим вас вернуться в зал». Я вынужден был подчиниться. Не устраивать же скандал или драку? Это не в моем стиле. Признаться, я был ошарашен своей несдержанностью. У меня и мысли не возникало врываться к артисткам – ничего такого. Затмение ума!

– Вам пришлось уйти?

– Конечно. Она... Лея... не проронила ни звука – я не видел, что она делала. Наверное, спряталась за ширмы. Я хотел обернуться, но мои шея и спина задеревенели, я не мог пошевелиться. Охранники проводили меня к столику. Не помню, как я шел. Я сел, как в дурмане... плохо соображая, что произошло. Я еще чувствовал сильное возбуждение и тепло женского тела. – Увлечшись, Вишняков не подбирал выражений, не старался выглядеть пристойно. У него пересыхало в горле, и он пил вино, как воду. – Объявили вторую часть выступления девушек. Но они так и не вышли.

– Вообще не стали выступать? – удивилась Астра.

Он покачал головой.

– Нет. Мне уже полегчало... я имею в виду... Черт, не важно! Я подозвал менеджера, которому заплатил кругленькую сумму, и спросил, в чем дело. Оказалось, Лея исчезла... а без солистки девушки петь отказались. Ни для кого не секрет, что они выступают под фонограмму, а эта часть идет у них в живом звуке. Поэтому без Леи ничего не получится.

– Куда же она делась?

Господин Вишняков развел руками.

– Ума не приложу. Сначала я подумал, сбежала из клуба. Через окно, например, или, никем не замеченная, воспользовалась черным ходом. Верхняя одежда девушек находилась там же, в отведенной для них комнате. Чего ей стоило накинуть на себя курточку и... Я не стал ничего больше выяснять – честно говоря, это меня взбесило. Что за блажь? Деньги уплачены, а... Хотя, не в деньгах дело. Я уехал домой и до сих пор не могу прийти в себя.

Астра молчала. Чего он хочет? Отыскать непокорную солистку «Русалок» и примерно наказать? Или взыскать неотработанную сумму? Так с этими вопросами не к ней. Она уже открыла рот, чтобы объявить свой вердикт, но Вишняков ее опередил. Очевидно, выражение лица выдало ее мысли.

– Вы неправильно меня поняли. Выслушайте до конца...

– О чем вы с ней беседовали? С Леей... Она вам как-то представилась, рассказала о себе?

– Нет. Я поинтересовался ее псевдонимом – оказалось, это производное от *Лорелея*. Знаете, над Рейном существует скала с таким названием. На ней сидит красивая девушка, расчесывает длинные волосы и своим пением привлекает рыбаков. Что-то из Гейне. Мой приятель из Германии показывал мне эту скалу.

– Девушку тоже зовут Лорелея?

– Именно так. Вслушайтесь, как это звучит – словно вода,

журча, перекатывается между камней...

– Значит, настоящего имени певица вам не сказала?

– Нет. Я не стал допытываться – принял ее слова за игру, женское кокетство. Потом, когда она... когда я решил сам найти ее... позвонил продюсеру группы Роману Калганову. Он наотрез отказался говорить. Просто отключил телефон. А со мной начали твориться странные вещи. По ночам, во сне ко мне приходит девушка – бледная, прекрасная, с длинными светлыми волосами и шепчет: *«Плету, плету саван покойнику, плету покров мертвецу...»*

* * *

Костромская область. Деревня Сатино

– Несите сюда... Осторожнее по лестнице...

Господин Борецкий сам руководил разгрузкой и расстановкой мебели. Отреставрированные в специальной мастерской шкафы, столы, буфеты и диваны XIX века не представляли музейной ценности, но обошлись недешево. Часть он приобрел с рук, часть – в антикварных магазинах, выложив не запредельную, но ощутимую для его кошелька сумму. Борецкого нельзя было назвать ни расточительным, ни скупым. Он тратил в меру, не выходя за рамки своих возможностей.

– Самое дорогое не обязательно самое лучшее, – любил повторять он, выбирая вещи.

Понедельник выдался морозный, светлый. Все блестело. Парк стоял серебряный, ослепительный в лучах зимнего солнца. На крышу дома намело снега. Примыкающую к входу аллею и крыльцо с утра успели расчистить, а флигель толнул в сугробах.

Борецкий, в шубе нараспашку, без шапки, с красными щеками бегал со двора в дом и обратно, покрикивал на грузчиков, давал указания рабочим. Привезенная им из города *экономка*, – как он называл домработницу, – обходила комнаты, осматривалась, готовилась взять бразды правления в свои руки. Илья Афанасьевич приказал к Новому году все обустроить, подготовить к приему гостей. Он что-то грандиозное задумал, настоящие святочные гулянья закатить – во всю широту русской души.

Коренной костромич, Борецкий поднялся на перевозке грузов по Волге, на торговле рыбой, лесом, и недавно обзавелся собственной маленькой флотилией. Его мечтой был пассажирский красавец-пароход, роскошно отделанный в стиле ретро, как «Ласточка» господина Паратова из кинофильма «Жестокий романс». Переезд в Москву не отбил у него охоту прокатиться по Волге на собственном пароходе.

Другую свою мечту – обзавестись помещичьей усадьбой – он уже осуществил.

– Ну как, Ульяновна, нравится тебе здесь? – спрашивал

он дородную экономку, похожую на купчиху, – с забранными в узел волосами, в темном, наглухо застегнутом платье, в накинутом на плечи пестром платке. – Правда, хорошо? По-нашему, по-домашнему. Я потом за флигелем баню велю срубить. Любишь париться?

– Люблю, – степенно отвечала женщина.

Она относилась к Борецкому как к сыну. С женой хозяйину не повезло, хилая попалась, квелая, ни к чему не пригодная, – ни к домашним хлопотам, ни к работе, ни к деторождению. Жили супруги раздельно уже годков семь, но официально не разводились.

– Вы бы на улицу не высказывали без шапки-то, – сказала ему Ульяновна. – Декабрь нынче лютый. Небось все двадцать пять градусов морозу. Простудитесь, а мне потом горчичники ставь.

– Так ведь тебе в радость...

Борецкий относился к Ульяновне уважительно, прислушивался к ее мнению и даже мог спросить у нее совета по поводу крупной покупки или продажи. Чутье экономку еще ни разу не подводило. Как скажет – так все и исполнится. Видно, и вправду она купеческого роду-племени.

Сам Илья Афанасьевич слыл человеком со странностями. С детства имел склонность к старинному укладу жизни, к народным гуляньям, ко всему исконно русскому – от одежды до пищи, приготовленной в печи. Если бы не бизнес,

то ходил бы в шелковой косоворотке, в поддёвке², в сапогах; ездил бы на лошади. А так – положение обязывает. Костюм, галстук, туфли, карманный компьютер, сотовый телефон, новенькая «Ауди». Но отдыхать все равно предпочитал на Волге – ловить рыбешку, ходить на охоту, сидеть ночью у костра... Телевизор не смотрел принципиально, зато в свободное время с удовольствием читал.

Литературные пристрастия его имели большой разброс. «Мысли» Блеза Паскаля были настольной книгой Ильи Афанасьевича. Он постоянно обращался к трудам сего французского философа и ученого, который творил в восемнадцатом веке, и находил там подтверждение собственным взглядам. Что человек есть «мыслящий тростник» и что трагедия его заключается в хрупкости и неустойчивости, в попытке сохранить равновесие на зыбком мостике между бесконечностью и ничтожеством.

Еще Борецкий обожал пьесы Островского, называя их источником душевной мудрости. Паскаль – то мудрость ума, результат философских рассуждений. Русским же присуща некая языческая связь с природой, постижение мира через красоту и страдания, мучительные поиски смысла жизни.

На его прикроватной тумбочке всегда лежал томик сочинений знаменитого драматурга. «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Бешеные деньги», «Сердце не камень» – разве не кладезь житейской мудрости, глубокой правды о

² Длинная верхняя мужская одежда в талию, с мелкими сборками.

людских слабостях и величии характеров?

То, что Островский жил и написал множество своих пьес в деревне Щелыково Костромской области, вовсе не казалось Борецкому простым совпадением.

– Только наша земля могла родить такой талантище! – твердил он.

Илья Афанасьевич пару раз ездил в Щелыково, в мемориальный дом-музей, рассматривал личные вещи писателя и проникался духом подлинной обстановки, в которой жил и работал Островский. Любовался деревянной двухэтажной усадьбой, живописными окрестностями. Там и появилось у него желание приобрести нечто подобное, устроить такое же уютное, привольное поместье. Приглашать туда гостей, развлекаться, как деды и прадеды, чтить забытые обычаи.

– Кому, как не нам, костромичам, возрождать славу земли русской? – напыщенно восклицал Борецкий.

– Ты, Илья, совсем в патриархальщину ударился, – посмеивались над ним друзья. – Заведи еще в офисе порядок, как в боярском тереме. Секретаршу в сарафан наряди, вели за прялкой сидеть. Сам бороду отпусти, а деньги в сундуках запри. Вместо электричества – свечи, вместо телефона – голубиная почта.

– Не надо утрировать, – сердито возражал тот.

Однако прислушался, поубавил свой пыл. Но усадьбу в Сатине все же приобрел и начал облагораживать. Теперь будет здесь Святки праздновать – не в московской квартире,

не в шумном ресторане, а в загородном доме, среди заснеженного одичавшего парка, под песню вьюги, под треск дров в печи.

– Портрет куда вешать будем? – спросила Ульяновна, отвлекая хозяина от раздумий.

Он с юности вбил себе в голову, что семья их ведет род от боярыни Марфы Борецкой, больше известной как Марфа Посадница, – супруги новгородского посадника Борецкого, после его смерти унаследовавшей владения и выступившей против Москвы. Она была заточена в монастырь, где погибла при невыясненных обстоятельствах.

Илья Афанасьевич считал Марфу героиней и гордился таким родством, ничем, впрочем, не подкрепленным, кроме его собственного убеждения.

– В большом зале, на почетном месте, – распорядился он.

Портрет Марфы, написанный маслом по его заказу, занял центральную стену. Хозяин отошел на несколько шагов, любясь картиной в массивной бронзовой раме, одобрительно качнул головой.

– Хороша. А? Что скажешь, Ульяновна?

Экономка во всем поддакивала. Марфа Семеновна на портрете и впрямь вышла царицей – легкая полуулыбка, исполненный достоинства взгляд, золоченый кокошник, жемчуга, вышитая накидка.

– С вашей матушкой поразительное сходство!

– Ты мне льстишь, – смутился Борецкий. – Все равно спа-

сибо. Приятно осознавать, что...

Их беседу прервал зычный голос прораба. Он, громко топая, появился на пороге зала.

– Печнику заплатить надо, – сказал он. – Человек работу закончил, я принял. Печи у вас, Илья Афанасьевич, как в музее: зеленые изразцы, кованые заслонки. Я себе захотел такую же сделать.

Прораб приблизился, оглянулся на Ульяновну и прошептал:

– А дом того... освятить бы следовало...

– Чего-о? – не понял Борецкий.

– Освятить бы надо, говорю. Нечисто тут... Кабы беды не приключилось...

Глава 8

Москва

Девушки с завистью поглядывали на густую, от природы выющуюся шевелюру Юны.

– Везет же некоторым, – вздыхала Бэла. – Ни завивка не нужна, ни особый уход. Растут волосы буйно, как сорняки на грядке. Мне бы такие! А то я и масла разные втираю, и феном стараюсь не пересушивать, а как расчешусь, сразу горсть

волос долой.

Рыжая «русалка» молча накладывала грим. В другой бы раз сплюнула, чтоб не сглазили, по дереву бы постучала. Но сейчас суеверия отступили на второй план: все мысли были заняты болезнью матери. Врачи не обнадеживали – сказали, необходима сложная операция. Лучше делать ее в Израиле или в Германии. А где таких деньжищ набраться? Одолжить не у кого. Девчонки сами на мели – Калганов прибыль гребет подчистую: на клипы, на новые костюмы для шоу, на аппаратуру, на рекламу, – а им дает только на еду, на тряпки и карманные расходы. По контракту – имеет право. Они заикнулись было, полушутя:

– Когда ты нам зарплату прибавишь, Рома?

Продюсер огрызнулся, показал перечень расходов.

– На ваше же продвижение бабло трачу. Рты не разевать! Придет время, все у вас будет: и машины дорогие, и шубки меховые. А пока – терпите и вкалывайте.

Юне досталось от него на орехи за трехдневное отсутствие.

– Ты что себе позволяешь? – орал Калганов. – Как посмела уехать без спросу? Я тебя не отпускал.

– Прости, Рома, сестра позвонила, что матери совсем плохо. Я кинулась по аптекам лекарства покупать, шприцы, капельницы. В нашем поселке больница никакая, ни препаратов нет, ни специалистов. Боялась, не успею все достать, привезти.

– Ладно... – смягчился он. – Я ведь не зверь. Вхожу в ваше положение. Но и вы меня должны понимать. Я гонорар за выступление взял, а группа не в полном составе. Хорошо, что на сей раз с рук сошло, люди не дотошные оказались. Так вы все равно меня подвели! Еле отмазался.

– Это не мы. Это Лея...

– Так! Я сам знаю, кто виноват и что делать! Смотрите у меня, держите языки за зубами! Кто пикнет – вышвырну на улицу, туда, где я вас подобрал. Я с вами вожусь, вожусь, а вы... Только неприятностей мне не хватало! Разборок с таким, как Вишняков! Теперь в «Спичку» нам путь закрыт. Оставьте вас без надзора! Овцы бестолковые...

Он подошел к солистке, бесцеремонно взял ее за подбородок и зло процедил:

– Веди себя правильно. Запомнила?

Девушки притихли, отвели глаза. Почему никого из них Калганов не поставил на место Леи, не сделал примой? Почему они на вторых ролях?

После недавнего выступления в «Спичке» у них началась черная полоса. Юна ходила, как туча, думала, где раздобыть денег на лечение матери. Просила у Калганова – тот не отказал, но дал немного, сославшись на «производственные издержки».

– Такой суммы у меня нет. Ищи, спрашивай, может, еще кто-то раскошелится.

– Кто? У меня в Москве ни одной живой души нет, кроме

тебя и девочек.

– Извини, Юна. Я предупреждал: придется туго. Шоу-бизнес – не благотворительная кампания. Здесь деньги добывают потом и кровью. Если я начну заниматься вашими родственниками, не видать вам известности как своих ушей.

Бэла приболела – у нее открылось кровотечение, она нервничала, принимала таблетки и отказывалась идти на обследование.

– Моя старая проблема, – жаловалась она Мио, с которой сошлась ближе всех. – Дисфункция яичников. Надо пить гормоны, а от них поправляются. Толстуху Рома в группе не потерпит, выставит без сожаления. Какой смысл идти к врачам? Я знаю, что они скажут.

Чара вторую ночь не спала, мучил зуб мудрости.

– Только бы щеку не раздуло, – причитала она, разглядывая себя в зеркале. – Господи, что за напасть?

Одна Лея держалась особняком, никаких разговоров не поддерживала и, казалось, полностью ушла в себя. Калганов строжайше запретил ей выходить из квартиры и отвечать на телефонные звонки. Мобильник он у нее отобрал.

– Вы еще не *звезды*, а уже чуть ли не охрану нанимать приходится, – негодовал продюсер. – Меньше задницами крутите, больше внимания уделяйте вокалу. А то... ударились в стриптиз.

– Ты же сам разрабатывал наши костюмы. И хореографию одобрил, – робко возражала Чара.

– Недооценил вашу сексуальность.

Рома лично сопровождал девушек на выступления, никогда к ним не подпускал, а солистке приказал сразу после окончания программы уходить со сцены. На поклоны оставались только четыре «русалки». «Языческие игрища» он временно отменил, чему Лея несказанно обрадовалась.

– Ты работай! – сурово приказал он. – Раскачиваться некогда.

Жизнь в Москве не обманула ее ожиданий, но оказалась гораздо жестче, чем можно было предположить. Тяжелее всего девушка переживала отчуждение друзей. В чем она перед ними провинилась? Сама удивилась, когда Калганов назначил ее солисткой группы.

– Я? А вдруг... не справлюсь?

– Это уже моя забота. Справишься, или мы распрощаемся.

Ее никто ни о чем не спрашивал. Она поняла, что мнение продюсера не обсуждается.

– Ты контракт читала, когда подписывала? – сверкал глазами Рома. – Я тебя не заставлял. Сама согласилась. Есть еще вопросы?

Вопросов не было. «Разве не об этом я мечтала? – думала Лея. – Я молиться должна на Калганова. Бога благодарить за такое стечение обстоятельств».

Инцидент в клубе «Спичка» поставил ее в особые условия. Калганов пошел на вынужденные меры, и девушки с ни-

ми смирились. А что они могли изменить? Связанные договором по рукам и ногам, «Русалки» не имели права голоса.

«А если бы Вишняков не ворвался в гримерную? – гадала Лея. – Если бы он сумел обуздать свою страсть? Если бы группа в тот вечер вообще поехала в другое место? Если бы...»

Целая карусель «если бы» кружилась у нее в голове. Что заставляет события развиваться так, а не иначе? Как сложилась бы ее жизнь, не случись в юности той роковой встречи? С тем незнакомым, ненавистным, проклятым, который сломал ее судьбу, разбил сердце, украл ее мечты.

Все девочки, подрастая, рисуют в своем воображении будущую любовь, жениха, свадьбу, детей, счастье в кругу семьи. Они с завистью смотрят на старших сестер и подруг, на невест в белых платьях, на героинь телевизионных сериалов – этих Золушек, которые становятся принцессами. Жестокое сказки для взрослых порождают ожидания, которым не суждено сбыться. Жестокое – потому что в реальности все по-другому, проще и безнадежнее.

Она тоже видела волшебные сны и ждала принца, пока окружающая действительность не разбила ее розовые очки. Черно-белый мир наводил на нее уныние. Только нетронутая красота природы давала ей отраду, питала ее душу. Почему бы из леса не выехать какому-нибудь Робину Гуду, прекрасному романтическому разбойнику, не посадить ее на своего коня и не увезти в убежище посреди непроходимой чащи?

«Бредни!» – сказала бы ее мать. А что не бредни? Беспросветная бедность, деревянные дома без удобств, огород, монотонная грязная работа – и никакого будущего. Муж-алкоголик, который будет ее бить, плаксивые болезненные дети, вечное безденежье, стирка, кастрюли, грядки, резиновые сапоги, платок – после сорока она будет старухой с желчным характером и расшатанным здоровьем.

Наверное, она сгущала краски. Уж больно хотелось в большой город, туда, где течет яркая жизнь, полная удовольствий и неисчерпаемых возможностей.

Она всегда жила мечтами – с детства, с тех пор, как начала себя осознавать. Мечтала о красивых платьицах и туфельках с бантиками, о красивом доме, о красивой любви. Кто сказал, что детям снятся только игрушки и сладости? Ее посещали другие сны. Увидев на сцене поселкового клуба мальчиков и девочек в расшитых блестками костюмах, уже ни о чем другом думать не могла. Вцепилась в руку матери и давай вопить: «Я тоже так хочу! Я тоже!»

Разве не счастье – нарядиться в пышное платье с оборками, вплести в волосы ленты и цветы, плясать, петь, быть в центре внимания, получать аплодисменты? Больше всего ей нравилось восхищение окружающих. Разучивать песни и танцы было скучно, неинтересно, – но без этого на сцену не выйдешь. Кто станет просто смотреть на долговязую нескладную девчонку, белобрысую, с тощими, как у журавля, ногами?

Повзрослев, она поняла, что продолжения у этой сказки не будет. Слишком тернист путь на большую сцену, и в одиночку его не одолеть. Будь у нее талант, и тогда пробиться было бы трудно. А уж бесталанным и вовсе рыпаться не стоит. Музыкальный слух и кое-какой голосок, чувство ритма, природная грация, которая требует шлифовки, – не в счет. Таких «одаренных» – пруд пруди.

Осознав полное отсутствие перспективы, она наступила на горло своим ожиданиям, но, видимо, задушить их на корню не удалось. Ростки детской мечты о красивой жизни, о блеске и огнях сцены, упорно пробивались...

Уже в старших классах школы за ней начали ухаживать мальчишки. Не самые привлекательные и не самые умные – почему-то она вызывала нежные чувства у хулиганистых, трудных подростков, двоечников и драчунов. Надо ли говорить, что такие «Робины Гуды» пришлись ей не по вкусу. Чего-то в них не хватало. Может быть, лоска, своеобразной чести, внутреннего достоинства, присущего герою английских баллад. Как ни парадоксально, разбойник, чтобы завоевать ее сердце, должен был быть *благородным*.

Спрос рождает предложение. Благородный разбойник не замедлил появиться. Романтический герой выехал прямоком из леса и пустил коня шагом по просеке, где она собирала землянику. Конь был под стать хозяину – такой же ухоженный, явно не здешний. К добротному седлу приторочена кожаная сумка с пледом, с провизией. И таким неправдопо-

добным казалось появление этого всадника, весь его вид, что она не поверила своим глазам.

– Эй, красавица! – окликнул ее всадник. – Мы с конем пить хотим. Есть вода поблизости?

Справа от просеки тянулся овраг, внизу звенел ручей. Она махнула рукой в ту сторону.

– Покажешь? – с надеждой посмотрел на нее Робин Гуд. Могла ли она отказать? Она шла впереди, он, спешившись и ведя коня под уздцы, – за ней. Солнце горячо, по-летнему светило сквозь кроны деревьев. Пахло можжевельником. По склонам оврага цвели мелкие белые и лиловые цветы. На дне ручья, в прозрачной воде были видны каждый камешек, каждая песчинка.

Она шла, двигалась, что-то отвечала ему – как в тумане. Наверное, то была не совсем она, а ее воображаемый образ, освещенный ярким солнцем, рядом с образом всадника...

Само собой получилось, что мужчина расстелил на поляне круглую скатерть, угостил девушку коньяком, бутербродами с копченым мясом, бужениной, свежими помидорами. Сам почти не пил – только ей подливал в теплый, нагретый солнцем серебряный стаканчик. У нее закружилась голова – от крепкого напитка, от близости всадника. Запах его одежды из кожи, пряной туалетной воды, спиртного мешался с запахом цветов, хвои и конского пота. Бабочки порхали над скатертью, конь, отмахиваясь хвостом от насекомых, пощипывал молодую травку.

Лицо всадника – не юноши с пушком над верхней губой, а сильного зрелого мужчины – склонилось над ней. Они оба не совладали с голосом крови, разбуженным звуками и запахами весны, леса. Зов природы взял верх над запретами...

Она впервые оказалась во власти мужских ласк, отдалась чужой страсти. Как могла она противиться? Ведь ее грезы осуществлялись наяву... Неискушенная в любовных играх, она не сразу опомнилась и позволила ему перейти опасную черту, откуда уже нет возврата. Его руки скользнули к ней под кофточку, потом опустились ниже, к молнии на ее истертых джинсах... Потом она уже ничего не помнила, кроме неистовых поцелуев, своего слабого сопротивления и его натиска. Сопротивлялась даже не она – ее нетронутое девичество, еще не сломленная стыдливость, робкая чистота любви, не знающая физического акта. Плотское вторглось грубо, с болью, на миг затмившей сознание, со стоном, с криком, с наслаждением и ужасом от содеянного...

– Что ж ты молчала? – растерянno пробормотал он, увидев кровь.

А что она могла бы сказать? Ему, пришедшему из волшебных снов? Из *Шервудского леса*, сотканного нитью ее мечты... Он пришел по-разбойничьи и, не спрашивая, взял ее, похитил ее девственность и ее душу. Поступил с ней так, как поступают лесные люди с глупыми, наивными девушками. Робин Гуд в кожаной одежде, которой ей до сих пор видеть не доводилось, с запахом, которого она ни разу не ощуща-

ла, с лицом и глазами, не похожими ни на какие другие. Со шрамом на левой брови, с горячими и требовательными губами, с руками нежнее шелка...

– Почему ты меня не предупредила? – нахмурился он. – Сколько тебе лет, лесная колдунья? Надеюсь, не пятнадцать?

Ей было шестнадцать. Она плакала, но не от горя – от счастья. Наверное, мужчина по-своему истолковал ее слезы. Она ничего не успела сообразить, как разбойник вскочил на коня и скрылся из глаз. Ускакал прочь...

Напрасно она день за днем, месяц за месяцем приходила на то место. Робин Гуд бесследно исчез...

Может, ничего и не было? И та вспышка молнии почудилась ей – под сладостный шепот ручья, под вздохи ветра. Она просто перегрелась на солнце, и ей все привиделось. То было наваждение, которое наслал на нее леший...

Однажды ей в голову пришла страшная, беспощадная мысль: «Романтический герой» воспользовался случаем, напоил ее и... изнасиловал. Она же сопротивлялась! Пусть вяло, но...

«Не лги себе, – эхом отозвался ее внутренний голос. – Ты сама хотела этого. Ты могла не пить столько, могла сразу уйти. Могла дать решительный отпор». Могла, не могла! Какая теперь разница? Ужасно, что воспоминания о тех мгновениях стали ее единственной радостью. Она бы все отдала, лишь бы та встреча в лесу повторилась...

«Когда оживет мир зазеркалья, первой проснется рыба... – гласит древнее поверье. – Лицо зеркала подернется туманом, блеснет золотой чешуей, и неподвижные рыбы глаза встретятся со взглядом человека...»

– Недаром золотая рыбка исполняет все желания, – прошептала Астра. – А русалки – это женщины с рыбьими хвостами. Тут что-то кроется. Давай, *Алруна*, помоги мне.

Пока Катя складывала чемоданы, она решила посвятить часок своему любимому занятию, – сидению перед *зеркалом*. Зажгла двенадцать свеч... Рыбы – двенадцатый, последний знак Зодиака, символизирует завершение цикла, *переход*, конец старого, начало нового.

– Мы на поезд не опоздаем? – крикнула из гостиной Катя. – У меня вещи не помещаются.

Еще бы! Накупить столько тряпья...

Астра деликатно промолчала.

– Одолжи мне какую-нибудь большую сумку, – хныкала Катя.

– Позвони Матвею, он привезет.

– А ты?

– У меня нет больших сумок. Мне они ни к чему.

– Нет, я не про то. Ты сама ему позвони. Я стесняюсь!

– Ничего, не волнуйся. Он будет рад.

Астра злорадно усмехнулась, представляя себе лицо Карелина, когда он услышит про сумку. Ведь тогда он просто вынужден будет не только приехать на Ботаническую, но и отвезти их с сестрой на вокзал, посадить Катю в поезд и долго махать рукой, глядя на отъезжающий вагон с ее заплаканным лицом в окне.

– Он у тебя замечательный! – с трогательной горячностью воскликнула Катя, набирая номер без пяти минут родственника. – Интересный мужчина, элегантный... остроумный. Души в тебе не чаёт! Сейчас хорошего жениха днем с огнем не сыщешь.

Она хотела добавить: «И чего ты носом крутишь, не пойму!» – но в трубке прозвучал приятный баритон Матвея.

– Слушаю... Катя... это вы? Конечно... у меня есть сумка... одолжу, с удовольствием... Когда поезд? Через три часа? Я к этому времени успею. Раньше? Постараюсь...

– Золотой мужик! – заключила Катя, с негодованием уставившись в сторону сестры. – А ты... мымра! В ресторане проторчала за чужим столиком битый час – с чужим человеком болтала. Наши богучанские парни такого не потерпели бы. А твой Матвей даже бровью не повел. Как будто так и надо, чтобы его невеста напропалую с другим мужчиной кокетничала!

– Я не кокетничала. У нас была деловая беседа.

– Как же! – пыхла Катя, наваливаясь на чемодан в отчаянной попытке застегнуть его. – Я видела твои блестящие

глазки. Меня не проведешь... – Она сползла с чемодана, и крышка упрямо открылась. – Что за наказание! Может, его веревкой перевязать? Оставь же свое зеркало, помоги мне!

Астра невольно хихикнула, взглянув на ее красную физиономию и растрепанные волосы.

– Подожди Матвея. Переложить часть вещей в сумку, и все поместится.

Но Катя не слушала. Отдуваясь, она притащила из прихожей большущий пакет с одеждой и обувью, села на пол и чуть не заплакала. Столько добра! Неужели придется что-нибудь оставить?

– Не расстраивайся... Повезешь прямо в пакете.

– Тебе легко говорить. Здесь-то вы меня до поезда доставите, а как я домой добираться буду? У меня только две руки, между прочим...

Причитания Кати мешали Астре думать о разговоре с Вишняковым. Она согласилась взяться за работу, но пока плохо представляла себе, в чем та будет заключаться.

Солистка «Русалок», которая неожиданно исчезла из клуба «Спичка», на самом деле была жива, здорова и продолжала принимать участие в выступлениях группы. Только теперь сразу уходила со сцены, не общалась с поклонниками и не отвечала на телефонные звонки. Это и понятно. У продюсера свои принципы, у девушек – свои. Неизвестно же точно, как повел себя с Леей господин Вишняков. С его слов получается одно, а другую сторону Астра еще не выслушала.

– Чего он от тебя хочет? – поинтересовался Матвей, когда они ехали из ресторана домой. – Чтобы ты помирила его с певицей? Или уговорила ее встретиться и объясниться?

Катя в тот вечер объелась, выпила много хойригера и прикорнула на заднем сиденье. Молодое вино сразило ее наповал.

– Мне показалось, Вишняков напуган, – сказала Астра. – Он сам толком не понял, что произошло. Лея произвела на него сильное впечатление. Он, можно сказать, влюбился без памяти. А продюсер чинит препятствия их отношениям. То есть он просто оградил Лею от какого бы то ни было общения. Со всеми! Наверняка Калганов забил в контракт с девушками условия, по которым они не имеют права выходить замуж и заводить любовников в течение оговоренного срока. В отношении моделей такое практикуется, в шоу-бизнесе, возможно, тоже. Продюсер изыскивает средства на раскрутку коллектива, вкладывает деньги в проект и, естественно, стремится свести финансовый риск к минимуму. Если все его пташки разлетятся, кто будет нести золотые яйца? Вряд ли муж или состоятельный любовник захочет, чтобы дама его сердца прыгала по сцене в неглиже и проводила ночи в развлекательных заведениях.

– Почему? Некоторым это нравится.

– Вот именно – некоторым. В основном мужчины собственники.

Матвей сбавил скорость, притормаживая. Джип впереди

повело, и он едва не выскочил на встречную. В снегопад аварии на городских трассах не редкость.

– Осторожнее... – запоздало посоветовала Астра. – Не гони.

– Я и так еду как черепаха. Чем Вишняков напуган, потвоему? Не Калганова же он боится?

Астра помолчала, глядя на дорогу. Впереди, в свете огней, падающий снег казался новогодним конфетти. «Дворники» не успевали очищать лобовое стекло. Сзади громко посапывала Катя.

– Конечно, нет. После той ночи в клубе у него начались галлюцинации.

Матвей присвистнул.

– А как у сего господина с наркотиками? Не употребляет?

– Вроде нет. Не похоже.

– Что же тогда? Безумство от любви? В этом случае ему не к детективу обращаться надо, а к психоаналитику. За границей люди не дураки, давно сообразили, что с мозгами шутки плохи. Современный темп жизни и постоянные стрессы не каждый выдержит. Крыша едет, народ расстреливает ближних своих, как рябчиков. Жуть! Глюки – это еще полбеды.

– Ему сказали, что я экстрасенс, – засмеялась Астра.

– Да-а? И Вишняков попросил тебя *почистить ауру*?

– Не угадал.

– Снять порчу? Избавить от родового проклятия? Заштопать астральное тело? Подкорректировать карму? Лад-

но, сдаюсь...

Катя на заднем сиденье зашевелилась, зачмокала губами. Наверное, ей снился цыпленок с картофельным салатом.

– Он хочет узнать, кто такая Лея, не встречались ли они в прошлой жизни. Почему его преследует образ девушки, которая угрожает смертью...

– Ему угрожает?

– Вишняков говорит, что да. Якобы, она «*плетет саван покойнику*», а этот будущий покойник – он и есть. Кто же еще?

– Ну и ну! – ухмыльнулся Матвей. – Странные речи приходится нынче слышать от трейдеров. *Прошлая жизнь*, виртуальные угрозы. Вишняков же рискованный мужик, игрок – он такие операции на бирже проворачивал. И вдруг – испугался бесплотного видения! Суеверия распространяются, как чума. Я думал, он про фьючерсы будет говорить, про опционы, акции, облигации... Ошибся. Никудышный я психолог.

– Да, неважный.

Астра так охотно подтвердила его несостоятельность, что Матвей оскорбился.

– Кстати, Вишняков может использовать тебя вслепую. Ты уверена, что он был полностью откровенен? Человек, зарабатывающий десятки тысяч долларов на спекулятивных операциях с финансовыми активами, должен обладать недюжинным хладнокровием и держать в узде свои эмоции. Иначе он давно бы прогорел. А тут какое-то недоразумение с девуш-

кой выбило его из колеи. Звучит неправдоподобно.

– Знаю. Раз он встревожен до такой степени, что обращается за помощью к экстрасенсу, – прыснула Астра, – значит, дело серьезное. По пустякам такие люди не дергаются.

– Это не смешно. Я бы на твоем месте отказался. Вдруг Вишняков страдает нервным расстройством? Ему нужен врач. В больной голове такие фантазии рождаются – нарочно не придумаешь. Не стоит связываться.

– Как же он с больной головой участвует в биржевой игре?

– Может, он уже и отошел от дел. Я наведу справки.

Астра повернулась к нему, обняла за шею и прикоснулась губами к щеке, зашептала, обдавая горячим дыханием с привкусом вина и мяты:

– Зря стараешься, милый. Я уже дала Вишнякову согласие и получила аванс. Весьма внушительный. Меня скука одолевает. *Зеркало* обещало новое расследование. Вот оно! А ты не верил.

Матвей озабоченно вздохнул. До Ботанической улицы он ни слова не проронил. Въехал во двор, остановился.

– Возможно, Калганов сам имеет виды на Лею? – вдруг спросил он.

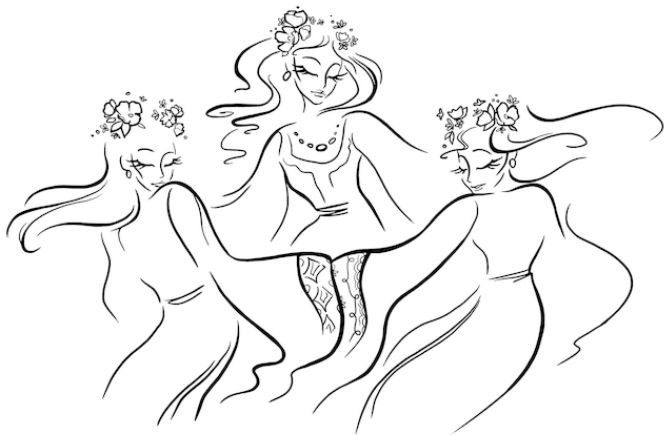
– Ты всю дорогу думал об этом?

– Насколько мне известно, Калганов женат, имеет маленького сына.

– Разве жена и дети мешают крутить романы на стороне? – удивилась она. – Но при чем тут *саван для покойника*?

– Калганов воздействует на соперника методом черной магии. – Неуловимая ирония проскользнула в голосе Матвея. – Это входит в моду.

Глава 9

В домашнем кабинете господина Вишнякова было много книг, в центре располагался стол красного дерева на «львиных» ножках и такое же кресло, обтянутое гобеленовой тканью. Целую стену занимала коллекция миниатюрных статуэток. Плотные шторы с кистями, собранные по бокам, пропускали мало света, и здесь даже в дневное время горела лампа. Окно выходило на север, на ухоженный сквер с расчищенными от снега дорожками, с белыми деревьями и блед-

ным морозным небом.

Егор Николаевич отложил в сторону бумаги с аналитическими выкладками по тенденциям рынка ценных бумаг. Он не собирался менять свои принципы – всегда торговал по наитию, доверяя своему чутью, и будет придерживаться этого в дальнейшем. Его опыт позволял ему с одного взгляда на ценовой график понять состояние дел и найти способ получить прибыль. Он умел извлечь пользу даже из убыточных сделок.

Но в последние дни его ум отказывался работать, а интуиция молчала. Неужели всему виной – досадное происшествие в клубе «Спичка»? Когда это дамский выбрык, даже самый нелепый и вопиющий, оказывал на него такое опасное влияние? Он любил женщин, питал слабость к их прелестям, не больше. Две женитьбы свидетельствовали о его искреннем стремлении обзавестись семьей, но постоянство претило ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.